

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

**СЛЕДСТВИЕ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ФИНАЛ КРАБА

Николай Чергинец

СССР - СТРАНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Сделано в СССР. Любимый детектив

Николай Чергинец

**Следствие продолжается.
Финал Краба (сборник)**

«ВЕЧЕ»

1977, 1979

Чергинец Н. И.

Следствие продолжается. Финал Краба (сборник) /
Н. И. Чергинец — «ВЕЧЕ», 1977, 1979 — (Сделано в СССР.
Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7103-2

В книгу известного белорусского писателя Николая Ивановича Чергинца – автора многих остросюжетных детективов – вошли две повести. Первая – «Следствие продолжается» – о том, как сотрудники милиции и прокуратуры ведут дело о похищении оружия. Преступники скрылись, но их надо как можно быстрее найти и обезвредить... Вторая – «Финал Краба» – о расследовании краж на кирпичном заводе и в проектном институте. Бандит по кличке Краб в конце концов оказывается в руках правосудия.

ISBN 978-5-4484-7103-2

© Чергинец Н. И., 1977, 1979
© ВЕЧЕ, 1977, 1979

Содержание

Следствие продолжается	7
Выстрел на пустыре	7
Свидетели рассказывают	10
Данилюк отпадает	15
Один установлен	17
В колонии	18
Удача Майского	21
Он жил в этой квартире	23
Обыск	25
Жалоба помогла	26
Номер машины не запомнили?	27
Повторный обыск	28
Узнали цыгана	29
Версии отпадают одна за другой	30
Встреча в парке	31
Соседи знают многое	34
Следователь Савич	35
Ночью всякое случается	36
В автомобильном магазине	38
Совещание	39
Иванов умер	40
В таксопарке	43
Купите серьги	44
А было так...	48
Не Асаевич ли?	49
Розыск продолжается	50
Асаевич действует	52
Где Марков?	53
Я – сто сорок первый	54
Асаевич рассказывает	55
Кто такая Люся?	57
Альберт Григорьевич Исаев	58
Супруги разные бывают	59
Шатилов молчит	60
Супруги Логацкие	61
Пикник	62
Рынок	68
Имеющий кличку – имеет и фамилию	69
Осипов пропал	71
Что с Осиповым?	72
Черепнин молчит	73
В западне	74
Поиск продолжается	76
Я ранен, помогите!	77
На месте происшествия	79
Ищите убийцу	81

Есть нить...	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Николай Чергинец
Следствие продолжается.
Финал Краба (сборник)

© Чергинец Н.И., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Следствие продолжается

Выстрел на пустыре

Старшина Михаил Марков бежал, тяжело дыша открытым ртом. В пятьдесят не угнаться за парнем в два раза моложе. И преступник, который на глазах у Маркова всадил нож в грудь человеку, уходил все дальше и дальше...

«Хочет пересечь пустырь, затем по трубопроводу через реку, а там заборы, проулки...» – мелькнула мысль.

Убегающий изредка полуоборачивался, вскидывал руку, и тогда Марков слышал визг пули. Выстрелов слышно не было.

«Из малокалиберного бьет, сволочь! Не из той ли партии?»

Марков понимал, что единственный шанс настигнуть преступника – применить оружие. Но попробуй попади после такого кросса! Рванул из кобуры пистолет.

– Стой! Стрелять буду!

Преступник ответил сразу двумя выстрелами. Марков трижды выстрелил вверх, а затем остановился и, словно в тире, стал правым боком вперед, вытянул руку с пистолетом, поймал нижнюю часть тела на мушку. Рука дрожала. Марков затаил дыхание и нажал на спуск курка. Гулкий выстрел эхом отозвался из-за реки. Бежавший преступник упал. Старшина быстрым шагом направился к нему.

«Если притворяется, силы нужно скопить, – подумал он, заходя справа от лежащего. – В случае чего, преступнику будет несподручно стрелять, голова лежит на согнутой в локте правой руке».

Остановился в нескольких шагах. На спине лежавшего по светло-голубой рубашке расплзалось бурое пятно. Подошел ближе, наклонился.

«Мертв! – с досадой подумал старшина. – А целился ниже пояса!»

Марков только теперь заметил, что продолжает держать в руке пистолет. Сунул его в кобуру и, расстегнув на рубашке верхнюю пуговицу, оглянулся: «Хоть бы один человек!»

Нужно срочно сообщить в отдел о случившемся. Но как? Оставить труп с пистолетом в руке нельзя. Вся надежда на то, что кто-то пойдет через реку. Маркову повезло. На противоположном берегу реки появился мужчина. Вот он подошел к воде, оглянулся и быстро пошел по трубам. Путь его лежал метрах в тридцати от Маркова, и старшина шагнул ему наперерез:

– Товарищ, можно на минутку?

Мужчина подошел:

– Слушаю, товарищ старшина.

– У вас документы при себе?

– Да, пропуск. После работы тороплюсь домой. Вот и решил путь сократить. Вы уж извините меня, товарищ старшина, впредь только по мосту буду ходить...

Марков, возвращая пропуск, перебил:

– Сейчас дело не в нарушении, товарищ Хрусталеv. Видите, убитый лежит. Позвоните 02. Скажите, чтобы работника прокуратуры взяли с собой. Только, я вас прошу, побыстрее, уже темнеет.

– Понял, товарищ старшина, я бегом.

Хрусталеv напрямик, через пустырь, побежал.

«К магазину. Правильно. Там телефоны-автоматы, да и по служебному можно позвонить». Старшина возвратился к трупу и сел метрах в семи на траву. Только что пережитые события не давали покоя...

Марков, как обычно, нес службу в парке. Был теплый летний вечер. На детской площадке малыши с визгом и смехом катались на педальных машинах. Старшина невольно загляделся на черноглазого мальчугана, который, ловко управляя машиной, носился среди ребят.

Подошел напарник, сержант Кривец. Поговорили с минуту и разошлись. Кривец направился вдоль реки, а Марков принял левей, по косогору. Обогнул планетарий, у которого стояла небольшая очередь. На площадке, где вертелась карусель, гам и смех. Но порядок полный, и старшина с улыбкой, не торопясь, пошел дальше.

Марков любил дежурства в парке. Хотя это место считалось беспокойным, ему нравилось здесь все: и этот галдеж ребятишек, и тихие тенистые аллеи, и заросшая тиной река. Сам он родился и вырос в этом городе. Навсегда остались в памяти годы войны. Его родители были оставлены в городе для подпольной борьбы с фашистами. Конечно, никто ему, шестнадцатилетнему пареньку, не говорил об этом. Но Михаил догадывался и всякий раз, как бы невзначай, рассказывал дома о размещении вражеских войск и техники, об их численности.

Навсегда остались в памяти Маркова виселицы, на которых были повешены ни в чем не повинные старики, женщины и дети. Поэтому сразу же после освобождения Михаил ушел на фронт. Был дважды ранен, но все-таки расписался на стене рейхстага. После демобилизации из армии Марков поступил в милицию и вот уже более двадцати пяти лет несет нелегкую службу.

По узенькой заросшей аллее подошел к стрелковому тиру. Три дня назад там случилось несчастье. Неизвестные напали на сторожа и похитили двенадцать восьмизарядных малокалиберных пистолетов. Сторожа доставили в больницу без сознания, и вряд ли в ближайшее время он придет в себя.

В заросшем уголке парка даже в разгар солнечного дня сумрачно, а сейчас, когда солнце село за дома, стало почти темно. По аллее навстречу Маркову, пошатываясь, шел пьяный мужчина. Марков остановил его:

– Что же это вы, товарищ, в таком виде в парк направились?

Уже немолодой мужчина, одетый в серый летний костюм, умоляюще сложил руки на груди:

– Извините, товарищ старшина. Я специально через парк, чтобы было незаметней. Я здесь недалеко живу. Дом напротив выхода из парка. У меня случайно получилось, товарищ в отпуск уходил, вот мы по маленькой и сделали. Я тихонько и незаметно, через калитку – и домой.

– Ну, хорошо. Держите только себя в руках.

– Спасибо, товарищ старшина, я быстренько.

И он, стараясь не шататься, направился к выходу. Марков, проводив его взглядом, улыбнулся: «Должен дойти!»

Вечерело. Это особенно заметно здесь, в заросшем уголке парка. Марков, заложив руки за спину, медленно шел к тиру. И вдруг откуда-то из-за кустов до него долетело несколько слов. Старшина не разобрал смысла, но интонация, с которой они были произнесены, заставила остановиться и прислушаться. Разговаривающие выражений не выбирали:

– Ты, Шкет... не думай, что Глухой за тебя будет просто так мазу тянуть, – говорил один.

«Блатной жаргон», – подумал старшина и нырнул в кусты. Метрах в семи, на пятячке, стояли двое. Неожиданно один из них, тот, что стоял к нему спиной, взмахнул рукой, в которой блеснул лезвием нож, и ударил собеседника в грудь:

– На, сука, получай!

Человек снопом упал на землю. Старшина выскочил из укрытия. Мужчина, увидев его, прыгнул в кусты. Марков подбежал к лежащему, схватил руку. Пульса не было. Нож торчал в груди, прямо против сердца.

Старшина бросился за убежавшим, был он уже на аллее, ведущей к выходу из парка. Марков понимал, что догнать его не сможет, и громко крикнул:

– Задержите его, он человека убил!

По аллее шла большая группа парней и девушек. Они оглянулись на крик и, увидев бегущих, расступились. Марков еще раз крикнул:

– Задержите его... Это убийца!

Никто не преградил путь преступнику.

– Эх, вы! Он же человека убил!

Сначала они пересекли улицу с трамвайными путями, затем убегавший попытался уйти от старшины через заборы и огороды частных домиков. Марков преодолевал препятствия не хуже молодого. А когда выбежали на пустырь, понял, что ему не догнать преступника. Он не хотел убивать его и поэтому целился в ногу...

Марков в который раз перебирал в памяти события. От начала и до конца действовал он по инструкции. И все же корил себя: «Стареть стал. Дыхание подвело...»

Четыре милицейские машины с включенными фарами появились на пустыре одновременно, остановились недалеко от Маркова. Из черной «Волги» вышел начальник городского Управления внутренних дел генерал Романов. Старшина подошел к нему, четко доложил о случившемся. Генерал приблизился к труп, постоял, рассматривая его при свете фар, а затем, повернувшись к старшине, негромко сказал:

– Михаил Антонович, пистолет сдайте майору Петровскому, а сами с Леньковым и Феофановым поезжайте в парк и обеспечьте охрану трупа. Мы быстро организуем и пришлем туда группу.

Маркова не удивил приказ генерала сдать оружие. Так полагалось в случаях применения его против человека.

Через несколько минут группа оперативных работников была в парке. Убитый лежал в той же позе с ножом в груди...

Свидетели рассказывают

За смелые и решительные действия по задержанию особо опасного преступника старшине милиции Маркову Михаилу Антоновичу объявить благодарность.

Из приказа начальника Управления внутренних дел

Майор милиции Игорь Николаевич Ветров, которому поставлена задача срочно установить фамилии погибших, читал рапорт Маркова. Старшина дословно приводит подслушанный разговор. Язык блатной, значит, оба были связаны с преступным миром. Ветров направил отпечатки пальцев рук мертвых в оперативно-технический отдел для проверки по дактокартотеке. Если они в прошлом судимы, то установить фамилии – дело нескольких дней. Затем майор занялся пистолетом, который находился у человека, убежавшего от Маркова. Оказалось, он из партии оружия, похищенного из стрелкового тира.

Хотя над раскрытием этого преступления работала большая оперативная группа во главе с начальником уголовного розыска города полковником Севидовым, дело почти не сдвинулось с места. Сторож по-прежнему находится в тяжелом, почти безнадежном состоянии, и врачи не могут сказать, придет ли он в себя.

Ветров и следователь прокуратуры Савич решили сами допросить свидетелей. Начали с жены сторожа.

Старушка вошла без стука. Маленькая, сухонькая, раздавленная неожиданным несчастьем, она старалась держать себя в руках. С ней уже дважды разговаривали работники уголовного розыска, но это было, как говорится, накоротке.

Савич предложил стул и сразу же начал заполнять первую страницу протокола допроса – данные о свидетеле.

– Екатерина Петровна, сколько лет вы замужем за Анатолием Ивановичем?

– Да уже, слава богу, сорок.

– А давно он работает охранником в тире?

Старушка, опустив голову, на минуту задумалась, по лицу было видно, что она высчитывает. Потом подняла глаза на Савича и ответила:

– Пошел уже восьмой год.

– Анатолий Иванович никогда не рассказывал, чтобы во время дежурства подходили посторонние и пытались в тир проникнуть?

– Нет, такого разговора не было. Я сама много раз дежурила с ним ночью. В тир посторонний человек попасть не мог. Я даже помню, как однажды вечером, часов в десять, постучал мужчина. В пневматическом тире работает. Так мой муж не открыл ему, пока он к светлому окну не подошел. Я еще тогда сказала: «Ты совсем, старый, уже с ума спятил, своих и то не впускаешь!» А он мне ответил: «Не смейся, старуха, у меня здесь оружия на целую роту, и шутить с этим нельзя, я действую, как инструкция приказывает».

– А как у него зрение, слух?

– Нормальные. Слышит он хорошо, но вот если читать садится, то очки надевает. Но на улице и дома ходит без очков.

– А оружие – револьвер – во время дежурства носил при себе?

– Да, всегда. Делал это он с гордостью. Наверное, вспоминал молодость. Ведь он в молодые годы в армии служил, был офицером.

– Екатерина Петровна, вы часто вместе с ним дежурили. Скажите, а кто-либо проверял его дежурство?

– Да, за ночь по несколько раз.

– А из родственников или знакомых к нему никто во время дежурства не приходил?

– Нет. Да у нас, кроме дочери с мужем, никого и нет.

– А где сейчас дочь?

– Она с мужем уже две недели в Крыму отдыхает, в санатории.

Ветров подсел поближе и спросил:

– Екатерина Петровна, как вы думаете, кто мог совершить преступление?

– Не знаю. Но без помощи человека, которого знает в лицо мой муж, не обошлось. Он не открыл бы дверь постороннему. Ну а если дверь начали ломать, то стрелял бы. Человек он решительный.

– Скажите, а не могло так случиться, что он вышел с какой-нибудь целью из тира, а преступники этим воспользовались? Скажем, кто-то позвал его на помощь или стонал у дверей?

– Нет, не открыл бы. Позвонил бы сразу куда следует. Да и зачем выходить? Туалет есть внутри, вода тоже.

– Он курящий?

– Нет, не курит.

Савич закончил писать, дал прочитать протокол допроса. Старушка расписалась и ушла.

А в коридоре ждала инструктор ДОСААФ Короткова, которая ночью проверяла сторожа. На вид ей можно было дать лет двадцать восемь – тридцать. Одета просто, но со вкусом, среднего роста, с высокой модной прической.

– Проходите, пожалуйста, присаживайтесь, – пригласил Ветров.

Савич быстро внес в протокол допроса необходимые сведения о свидетеле и отложил ручку. С этой женщиной нужно подробно побеседовать, ведь она тот человек, который последним видел Шатилова.

– Как у вас со временем? – спросил Савич.

– У меня сегодня выходной, да и можно ли жалеть время, если случилось такое.

– Анна Павловна, вы давно работаете в ДОСААФе?

– Около семи лет. Когда я поступила, Шатилов уже работал.

– И часто приходится проверять этот тир?

– Как вам сказать? Дело в том, что у нас все инструкторы участвуют в проверке, по графику. В этом месяце проверяла дважды, с 6 на 7 июля и в ту ночь – с 27-го на 28-е.

– Анна Павловна, а сколько раз в течение ночи вы должны проверять охранников? – спросил Ветров.

– Не менее двух.

– Ну а вы сколько проверили?

– Получилось, что трижды. Первый – около девяти вечера, второй...

Но Ветров перебил ее:

– Вот и расскажите по порядку, как все это происходило. Только не спешите, подробнее.

– Вечером взяла с собой сына и пошла в парк. Мы побывали на детской площадке. Сыну еще только шесть лет, и, знаете, дети в этом возрасте любят покружиться на карусели. Затем осмотрели самолет, он стоит недалеко от тира, пошли к реке, прохаживались по набережной. Потом он попросил мороженое. Купили две порции и на свободной скамейке съели.

– Скажите, а почему вы были без мужа?

– Он уехал в командировку.

– Ясно. И что же дальше было?

– В общем, посидели мы немножко и к тиру пошли. Было уже около девяти часов. Дверь была закрыта, и я постучала. Через минуту слышу шаги в тамбуре. Это был Шатилов. Спросил, кто стучит. Я назвала себя, а он говорит: «Я вам не открою, потому что вы с посторонним». Я рассмеялась, вместе с сыном подошла к окну и говорю: «Посмотрите на моего мужчину». Только после этого он открыл. Я, правда, сделала замечание и сказала, что он, зная меня как

проверяющую, должен открыть, если я даже и не одна: он же не знает всех наших руководителей в лицо. Но Шатилов – упрямый человек – заявил, что пускать будет только тех, кого знает в лицо. Я не стала спорить, зная, что это бесполезно. Расписалась в книге проверяющих, позвонила в Республиканский комитет и сказала дежурному, откуда я звоню. Затем мы с сыном ушли. Я слышала, как Шатилов запер за мной дверь на два крючка и замок.

– Анна Павловна, а вы ничего необычного в поведении Шатилова не заметили? – спросил Савич.

Женщина задумалась, а потом, очевидно, что-то вспомнив, заговорила:

– Когда уже уходила, обратила внимание, что Шатилов без оружия, а его наган в кобуре лежал на столе. Я ему сделала замечание, и он при мне надел кобуру на поясной ремень.

– А у тира подозрительных людей не встречали?

– Нет, никого подозрительного. Впрочем, подождите. Когда я подходила к тиру, то видела рабочего тира Данилюка. Вот только имени его не помню.

– И что же он делал?

– Мне показалось, что ждет кого-то, потому что смотрел в сторону входа в парк. Я его даже не окликнула.

Савич насторожился.

– Анна Павловна, а почему вы не сказали нашим сотрудникам о Данилюке и о том, что Шатилов был без оружия?

– Я это как-то выпустила из виду.

– Скажите, а раньше при таких же обстоятельствах у тира Данилюка не встречали?

– Нет, я его вообще нигде не встречала.

– А в какое время вы тир посетили вторично?

– Приблизительно в час ночи. Сама я боялась идти по парку одна, но делать было нечего. Зашла со стороны улицы Первомайской. Постучала в дверь. Шатилов вышел сразу, значит, не спал. Спросил, кто там. Я назвала себя, но он все равно попросил подойти к окну. Я слышала, как он отбросил оба крючка и щелкнул ключом. Когда вошла, обратила внимание, что наган при нем. В первой комнате на электрической плитке грелся чайник, очевидно, он решил чаю попить. Я спросила, не приходил ли кто. Ответил отрицательно. Тогда я расписалась в книге проверяющих, позвонила в комитет дежурному и ушла.

– А он запер за вами дверь?

– Да, хорошо помню, как щелкнули оба крючка и замок. Я еще вниз по ступенькам крыльца не успела спуститься, как он уже на все запоры закрыл.

– Никого не видели у тира или в парке?

– Нет. Мне даже немножко не по себе стало от пустоты и тишины. Быстро вышла из парка и бегом к трамваю, который в этот момент подходил к остановке.

– В трамвае никого из знакомых не видели?

– Нет, вагон был почти пустой. Правда, на переднем сиденье полулежал какой-то пьяный, и водитель трамвая в районе железнодорожного вокзала, увидев милицейскую машину, остановила трамвай. Работники милиции забрали пьяного. Я приехала домой и легла спать.

– А при каких обстоятельствах вы видели Шатилова в третий раз?

– Мне нужно было выходить с двух часов дня. Но я вспомнила, что утром в тир придет группа ребят из десятой школы записываться в кружок. Поэтому встала в семь часов, быстро оделась, спустилась к трамваю – я живу метрах в двухстах от остановки – и приехала к парку. Когда подошла к тиру, дверь была закрыта, но не заперта. Вошла в тамбур. Дверь в служебное помещение раскрыта. Смотрю, Шатилов стоит у двери, ведущей в комнату тренеров, и держится за косяк, а лицо и руки в крови. Подумала, что споткнулся о высокий порог и, падая, разбил голову. В этот момент вошел инструктор Сафронов Николай Николаевич. Мы вместе подошли к Шатилову и спросили, что произошло. Он, не отвечая, начал падать. Мы подхва-

тили его и посадили на стул. Но он молча валился на бок. Пришел начальник клуба и спросил, что случилось. Я и Сафронов ответили, что сами не знаем. Начальник стал звонить в «скорую», в милицию. Я попыталась дать Шатилову воды, но он не пил. Вскоре приехали работники милиции, затем «скорая», и только тогда я увидела в комнате тренеров на полу лужу крови, а рядом камень.

– Анна Павловна, а почему дверь оказалась незапертой, когда вы пришли?

– Да кто его знает? Но мне кажется, что Шатилов сам открыл, потому что было утро. Начиная с семи двадцати – семи тридцати в тир приходят тренеры.

Ветров задал еще пару вопросов, но ничего существенного от женщины добиться не мог.

– Владимир Николаевич, – обратился он к Савичу, – ты допрашивай, а я пока решу некоторые вопросы. Увидимся позже.

Ветров зашел в другой кабинет, позвонил начальнику отдела кадров Республиканского комитета ДОСААФ, в чьем ведении находился тир, и попросил данные о Данилюке. Через несколько минут Ветров, вручив листок бумаги молодому сотруднику уголовного розыска Майскому, инструктировал:

– Осторожно, не привлекая внимания, проверь этого гражданина. Поинтересуйся, что он за человек, как характеризуется, с кем дружит. Постарайся выяснить, что делал он 27 июля в парке. Его около девяти вечера видела там Короткова.

Игорь Николаевич пригласил к себе другого сотрудника и поручил проверить, забирали работники милиции около часа ночи из трамвая на привокзальной площади пьяного мужчину или нет.

Предупредив дежурного, что едет в тир, Ветров вышел из управления. Он решил в оставшееся до вечера время побеседовать с работниками тира. Ветров торопился. Прошло уже несколько дней после преступления, а твердой версии нет. Ниточек, за которые можно тянуть, несколько: это и пистолет, изъятый у убитого, и предположение, что нападение совершено с участием работников тира. Словом, сделать нужно многое и как можно быстрее. Ведь в руках преступников оказалось большое количество оружия и боеприпасов.

...Ровно в девятнадцать в кабинете начальника управления началось совещание. Докладывал каждый участник оперативной группы. За день сделано немало. Проверено много лиц, которые могли совершить преступление, прочесывались близлежащие к городу лесные массивы, на случай если преступники решили бы испробовать оружие, проверялись и другие места их возможного появления. Генерал Романов слушал молча, делал заметки в записной книжке. Только перебил предположившего, что преступники, скорее всего, залетные.

– Рано, рано вы приходите к такому выводу. Еще своих как следует не проверили.

Романов по возрасту был самым молодым из начальников управлений республики. Среднего роста, ладно скроенный. Даже рано появившиеся залысины шли ему. Речь его была убедительной и доходчивой. Если ему приходилось выступать перед многочисленной аудиторией, присутствующие слушали не шелохнувшись. Сейчас генерал говорил сидя. Он как бы рассуждал вслух:

– Давайте посмотрим, что у нас есть в пользу того, что преступники приезжие. Только одно: хищение оружия из тира у нас за многие годы совершено впервые. Ну а если посмотреть на аналогичные преступления по стране? Их тоже мало, и там, где они совершались, почерк был другим. А что говорит в пользу того, что преступники проживают в городе? Во-первых, они изучили порядок работы тира и несения службы охранниками. В этой связи нельзя отбрасывать и версию, что к преступлению причастен кто-либо из работников тира. Взять хотя бы Данилюка. Из данных, добытых товарищем Майским, видно, что он, будучи несовершеннолетним, судился за кражу из магазина. Я ни в коей мере не хочу сказать, что Данилюк причастен к этому нападению, но обстоятельства требуют, чтобы мы его проверили. Во-вторых, вы, товарищи, почему-то не обратили внимания на два странных обстоятельства. Ровно неделю назад

неизвестные напали на сторожа магазина и похитили коньяк и кофе. Сторожа они ударили камнем, а замки взломали, скорее всего, монтировкой. Охранника тира преступники тоже ударили камнем, а шкафы с оружием вскрывали специально принесенным предметом, видимо, тоже монтировкой. Я больше склонен к предположению товарища Ветрова, который подробно побеседовал со всеми работниками тира и пришел к выводу, что нападение было совершено не ночью, а утром, когда Шатилов чувствовал себя в безопасности. Кстати, нападение на сторожа магазина тоже произошло под утро. Необходимо дать задание экспертам выяснить, не одним ли и тем же предметом взламывались запоры магазина и тира. То же самое сделать и со следами, обнаруженными на земле у тира и магазина. Что между убитым преступником и кражей оружия есть связь, сомнений ни у кого не вызывает. Вот я и предлагаю проверку этой версии, а заодно и выяснение причины убийства неизвестного в парке поручить товарищу Ветрову. В помощь ему необходимо выделить не менее двух оперативных работников. Нельзя исключать – преступники могут использовать оружие, чтобы добыть деньги или ценности. Поэтому необходимо усилить охрану банков, сберегательных касс, тщательно проинструктировать всех инкассаторов, работников торговли и кассиров предприятий и организаций.

Генерал помолчал немного, а затем, обращаясь к Ветрову, спросил:

– В ОТУ еще не установили фамилий погибших?

– Нет, товарищ генерал. Я перед совещанием звонил, говорят, завтра или даже послезавтра дадут ответ.

Генерал повернулся к Севидову:

– А по нашей картотеке по кличкам Шкет и Глухой никто не значится?

– Никого нет, Виктор Алексеевич. Я сегодня по телетайпу разослал запросы по местам лишения свободы. Ведь старшина Марков ясно слышал такую фразу: «И ты, Шкет, не думай, что за тебя будет просто так мазу тянуть Глухой». Это значит, что Глухой где-то отбывает срок наказания.

– Ну а не забирали наши товарищи в ту ночь пьяного из трамвая?

– Да, экипаж патрульной автомашины Октябрьского отдела по просьбе водителя трамвая взял его и доставил в вырезвитель. Что касается Коротковой, то я уверен, что она всю правду рассказала.

Вскоре совещание закончилось.

Данилюк отпадает

Дверь открыл Данилюк – высокий, худой человек, выглядевший старше своих лет. Слегка прихрамывая, прошел в комнату и, узнав, что пришедшие из уголовного розыска, суетливо предложил сесть.

Данилюк жил вместе с родителями, но дома их не было.

«Это, пожалуй, к лучшему», – подумал Ветров.

– Скажите, Виктор Адамович, вы давно работаете в тире?

– Два с половиной года. Сразу после освобождения и устроился туда.

– А за что судимы?

Ветров хорошо знал, за что был судим Данилюк, но хотелось убедиться, искренен ли он с работниками уголовного розыска.

Данилюк помрачнел, но рассказал все без утайки. Затем, не ожидая следующего вопроса, с обидой сказал:

– Вы решили, что раз человек судим, значит, тир – дело его рук. Напрасно так считаете. Мне хватило одного урока. Помнить его буду всю жизнь...

– Зря обижаетесь, – перебил Ветров. – Мы со всеми, кто работает в тире, беседуем. Это во-первых. Стараемся отбросить сомнения в отношении людей, непричастных к преступлению. А во-вторых, к вам у нас имеется несколько вопросов. Что вы делали вечером 27 июля?

– Двадцать седьмого? – задумался Данилюк. – Это перед ограблением? Был в кино.

– С кем?

– Со своей девушкой Наташей Семеновой.

– И что смотрели?

– В «Летнем» «Фанфан-Тюльпан». Сеанс начался в девять тридцать.

– А где вы встретились с Наташей?

– В парке... Я ее ожидал недалеко от тира, там рядом вход имеется. Наташа приехала трамваем, и мы пошли к кинотеатру.

Увидев, что Майский делает в блокноте какие-то заметки, Данилюк улыбнулся:

– Это вы можете легко проверить. Когда мы выходили после сеанса из зала, я увидел на полу кошелек. Поднял его, открыл, а там деньги. Мы отдали его администратору. Она при нас пересчитала деньги, там было сто сорок рублей, записала мою и Наташину фамилии. После я проводил Наташу домой. Пешком дошли до площади, затем сели в трамвай и доехали до ее улицы. Постояли у дома минут тридцать. Потом я остановил такси и поехал домой.

– А кто из домашних слышал, как вы пришли?

– Было уже около половины второго, но родители еще не спали. Они собирались утром уезжать в Смоленск. Там проживал мой дядя – родной брат отца. Он неожиданно умер. Телеграмма пришла вечером. Вот родители и собирались на похороны. Утром встали в шесть. Я проводил их на поезд, отправлялся в 7 часов 30 минут, и сразу же поехал на работу. Прихожу, а в тире народу полно, милиция.

Данилюк замолчал.

Ветров почему-то сразу поверил ему. Парень, наверное, сделал из прошлого вывод.

Притронувшись к руке Данилюка, Ветров спросил:

– Виктор, а вам не знакомы люди по кличкам Шкет и Глухой?

– Нет, не слышал таких кличек.

– Скажите, а лично нет никаких предположений? Кто мог это совершить?

– Да я уже об этом много раз думал. В одном я твердо уверен, что пистолеты им понадобились не для того, чтобы по воробьям стрелять. А кто это мог сделать, ума не приложу.

Кажется, что тут не обошлось без кого-либо из работников тира или постоянных посетителей, которые хорошо изучили порядок в тире.

– Возможно, в клубе появлялись подозрительные лица?

– Нет, я никого не замечал.

Ветров и Майский распрощались и ушли. На улице Ветров попросил Майского проверить показания Данилюка, а сам поехал в управление.

Один установлен

Таким образом, прихожу к выводу, что при попытке скрыться был убит гр-н Хоревич Валерий Иванович, чья дактокарта хранится в ОТУ МВД в картотеке ранее судимых лиц. Дактокарты неизвестного гражданина, труп которого обнаружен в парке, в картотеке МВД не имеется.

Из заключения эксперта Оперативно-технического управления МВД

Ветров по телефону доложил генералу, что фамилия человека, которого застрелил Марков, установлена. Романов приказал майору пойти к нему.

Начальник управления медленно читал материалы экспертизы.

«Видимо, ночь не спал, а может, опять сердце пошаливает?» – подумал Игорь Николаевич.

Романов работал очень много, и это сказывалось на его здоровье. Что ни говори, а руководить большим милицейским аппаратом, да еще в столичном городе, сложно. Любая ошибка сотрудника сразу же доносится высокому начальству. На одни только объяснения сколько времени уходит. Романов строго спрашивал с нерадивых, каждую ошибку подчиненных анализировал, принимал меры, чтобы подобное не повторилось с кем-нибудь из других сотрудников. При этом он был предельно справедлив. Вот недавно в управление был доставлен мужчина, на которого очевидцы указали как на участника драки. Потом выяснилось, что этот гражданин к происшествию непричастен. Дежурный извинился перед ним и отпустил. Но тот начал жаловаться во все инстанции. Последовали звонки, указания. Романов строго отчитал сотрудника, допустившего ошибку, но в обиду его не дал.

Ветров задумался и не заметил, как генерал, закончив чтение, встал из-за стола, прошелся по кабинету, остановился напротив:

– Так как, Игорь Николаевич, осилим?

– Иначе быть не может, Виктор Алексеевич, не имеем права не осилить. – Ветров поднялся со стула.

– Значит, один из них, Хоревич, трижды судимый, освобожден месяц назад. Интересно, что его привело в город? Здесь же он никогда не проживал.

– Нет, коренной житель Витебска, там же судили.

– А Шкет еще не установлен?

– Пока нет, товарищ генерал. За сутки поступило семь заявлений о пропаже мужчин. Но... все нашлись.

– А как в других областях, особенно в Витебске?

– Обнадеживающего пока ничего.

– Ваши предложения?

– Ехать в колонию и установить Шкета, а также и цель приезда Хоревича в наш город.

Генерал прошелся по кабинету, остановился у окна.

– Да, пожалуй, надо ехать. Перед вашим приходом мне звонил Севидов. Эксперты дают заключение, что следы, обнаруженные у магазина, где была совершена кража коньяка, и у тира, оставлены одним и тем же человеком, а взломы в магазине и в тире совершены с помощью одного и того же металлического предмета, скорее всего фомкой. Это тоже нужно иметь в виду.

Романов сел рядом.

– Кто поедет с вами?

– Следователь Савич. Он будет допрашивать, а я – проводить работу с осужденными. Савич уже получил разрешение.

– Ну что ж, не возражаю. Сегодня и поезжайте.

В колонии

В колонии Ветрова и Савича встретил высокий худощавый майор.

– Начальник оперативной части Смоляк, – представился он и пригласил в небольшой, скромно обставленный мебелью кабинет.

Ветров коротко сообщил о цели визита. Стоило ему назвать кличку, как Смоляк тут же сказал:

– Глухой, есть у нас такой. Это Васеев Вячеслав Кириллович, 1943 года рождения, ранее трижды судимый. Сейчас отбывает срок за кражу из магазина ювелирных изделий. У него есть еще одна кличка – Пловец, которую ему дали за то, что он однажды на глазах своих собутыльников чуть не утонул в реке.

– А за что его прозвали Глухим? – спросил Савич.

– Точно не знаю. Но здесь, в колонии, есть несколько его старых друзей. Они рассказывают, что однажды ночью, когда Васеев вместе с группой преступников совершал первую кражу, между прочим, тоже из магазина, его поставили на шухере, а он не услышал, как приблизился наряд милиции, и его, а затем дружков, которые уже хозяйничали в магазине, задержали.

Смоляк подошел к сейфу, взял объемистую папку.

– Вот его личное дело. Можете ознакомиться.

Ветров открыл папку. С большой фотографии на первой странице смотрел небритый, с худым, вытянутым лицом мужчина.

– Что ж, познакомимся, – улыбнулся Ветров. Он листал страницу за страницей...

С детства ничто серьезно не интересовало парня. Одно время увлекался спортом, занимался плаванием, но вскоре бросил. Сошелся с двумя такими же, как и он, развязными подростками. «Дружба» кончилась тем, что Васеев за хулиганство был направлен в колонию для несовершеннолетних. Затем, будучи уже взрослым, совершил новое преступление. Отбыл срок наказания и снова оказался на скамье подсудимых.

Ветрова интересовал последний приговор. Нашел его в конце дела. Васеев судим за кражу из ювелирного магазина. Но из похищенных ценностей у него изъята самая малость. Где находятся остальные ценности – и во время следствия, и на суде отвечал, что похитил случайный знакомый, фамилию которого не знает. На это обстоятельство Ветров обратил внимание Савича.

– А что ты думаешь, здесь зерно есть. Вспомни, как Хоревич, прежде чем ударить ножом, сказал: «Ты, Шкет, не думай, что Глухой будет за тебя просто так мазу тянуть».

– Может, этот Шкет и был тот человек, который прятал вещи и ценности?

Ветров улыбнулся:

– Так и я же об этом толкую. Знаешь, давай мы попытаемся это выяснить у Васеева.

– Каким образом?

– А мы не будем от него скрывать, что Шкет погиб, а вот что Хоревич убит, не надо говорить. Сделаем вид, что нам все известно.

– Как бы палку не перегнуть.

– Не беспокойся.

Минут через десять они увидели Васеева. Он вошел в кабинет и остановился недалеко от двери.

– Здравствуйте. Заключение Васеев явился.

– Садитесь, Васеев. Мы приехали по делу, к которому вы имеете отношение.

Васеев ухмыльнулся и ехидно сказал:

– По делу, к которому имею отношение, я уже нахожусь здесь.

– Так-то оно так, но оказывается, что некоторые вопросы еще есть и требуют пояснений. Чтобы не терять времени и не играть в прятки, мы скажем о сути дела. Крот, – Ветров показал фото Хоревича, – убил Шкета.

Васеев побледнел. Игорь Николаевич и Савич понимали, что сейчас важно воспользоваться тем, что Крот известен, и сыграть на кличке Шкет, чтобы Васеев назвал его фамилию.

– Нам нужно вас допросить, – включился в разговор Савич. И он, положив перед собой бланк протокола допроса, начал задавать вопросы, касающиеся биографических данных Васеева. Затем перевернул лист и спокойно, даже буднично предложил:

– А теперь, Васеев, расскажите, где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с этими людьми?

Савич вел себя так, как будто ему все ясно и что показания Васеева нужны только для формы. Следователь умышленно называл Хоревича по кличке.

Васеев лихорадочно думал. Он действительно вместе со Шкетом совершил кражу из ювелирного магазина. Взяли они тогда много и удачно скрылись. Выжидали целый месяц, а затем приступили к реализации похищенного. С десятком золотых часов и золотых серег направились по скупочным магазинам. Действовали осмотрительно. Васеев заходил в помещение, а Шкет с вещами оставался на улице.

В одном из магазинов Васеев предложил приемщику две пары часов. Цена – как договоримся. Приемщик вертел в руках вещи, торговался. И в этот момент за спиной у Васеева словно из-под земли появились оперативники. Когда выводили из магазина, увидел, что Шкет наблюдает из-за угла.

Осудили на двенадцать лет. Срок большой, и Васеева беспокоило, сумеет ли Шкет сохранить ценности. Поэтому, когда освобождался из колонии старый знакомый, Васеев попросил его зайти к Шкету и сказать, чтобы тот прислал посылку. Каково же было его удивление, когда порученец сообщил, что Шкет, сделав вид, что не знает Васеева, отказался принять записку. Последующие попытки наладить связь также оказались безрезультатными. Значит, Шкет прибрал к рукам все ценности и делиться не желает.

В колонии Васеев подружился с Хоревичем и поделился с ним своей тревогой. Хоревич, когда освобождался, пообещал помочь. Васеев знал, каким несдержанным был Хоревич, и поэтому не удивился, когда работники милиции сообщили об убийстве. Его сейчас интересовало одно: что сказал Шкет? «А впрочем, он уже мертв, а это значит, что ценности потеряны. Жалеть Шкета нет смысла, раз он так обошелся со мной. Для меня, пожалуй, будет выгодно, если милиция найдет ценности: уменьшится иск и можно еще, находясь здесь, немного подзаработать денег. Ну а что Хоревич пошел на мокруху, моей вины нет».

Ход мыслей прервал Савич:

– Итак, Васеев, начнем?

– Да, расскажу все, что знаю.

...После допроса Васеева отпустили в зону. Савич отложил ручку в сторону и повернулся к Ветрову:

– Похоже, что правду сказал. Главная цель нашей поездки достигнута. Мы установили фамилию Шкета.

– Нужно попытаться выяснить, у кого мог остановиться Хоревич. Кажется, Васеев действительно не знает, кто мог его приютить.

В кабинет вошел Смоляк:

– Ну как, дал что-нибудь Васеев?

– Да, многое, – ответил Савич и по-хозяйски придвинул стул вошедшему. – Вот только мы не можем выяснить, у кого мог остановиться Хоревич. Сам он в нашем городе не бывал, друзей, если верить Васееву, не имел.

– Может, у Шкета остановился?

– Да, мог, ему о нем Васеев рассказал. Но тот принимать человека, которого прислал Васеев, не стал бы.

– Скажите, а мы можем установить всех наших горожан, которые освободились в период нахождения Хоревича в колонии? – спросил Ветров.

– Конечно, но что это даст?

– Как знать. Мы, естественно, родственников, гостиницы проверим. Но Хоревич мог, находясь в колонии, познакомиться с кем-то из наших земляков и после освобождения остановиться у него.

– Хорошо, список мы подготовим. Какие еще просьбы есть?

– Спасибо, пока все.

Удача Майского

У Хоревича родственников в городе не оказалось. Проверены все гостиницы. Началась проверка лиц, сидевших в колонии. Их девятнадцать человек. Это дело поручено Майскому и двум молодым работникам – Осипову и Лепешко.

Петрову предстояло выяснить, что из себя представлял Олег Воронов, по кличке Шкет.

Данные на Воронова были собраны часа за два. Ему исполнилось недавно двадцать лет. Был единственным ребенком в семье, жил недалеко от парка имени Горького. Отец работал заведующим одной из баз, мать – бухгалтером на заводе. Олег рос взбалмошным парнем. С грехом пополам закончил школу, каким-то образом поступил в институт. Но учиться не хотел, и со второго курса его отчислили.

О том, что Олег убит, родители еще не знали и никаких признаков волнения по поводу его трехдневного отсутствия не проявляли. Встречу с ними Ветров запланировал на вечер.

В кабинет буквально влетел Майский.

– Вот, – выпалил он и положил на стол Ветрова серьги и часы.

Два часа назад Ветров направил его к Наташе Еремке, с которой дружил Воронов.

– Еремка учится на втором курсе университета, – переведя дух и присев на стоящий у стола стул, начал рассказывать Майский. – Приехал я к ней домой, а она сидит на крыльце и читает. Познакомились, разговорились. Спрашиваю, знает ли Воронова, а она в ответ: «Знала, но больше знать его не желаю!» Спрашиваю: отчего же он в такую немилость попал? Говорит, грубиян и хам. Не умеет вести себя. Оказывается, они дружили давно, но в последнее время Олег здорово изменился. Почти ежедневно пьян, при встречах врет. Я как бы между прочим спросил: «Наташа, а он вам ничего не дарил?» – «Дарил, – говорит, – сейчас покажу». Вошли мы в дом, заглянула она в ящик тумбочки и достает вот эти серьги и часы. Ну, я пригласил понятых, составил соответствующий протокол, а затем попросил Наташу приехать со мной сюда.

– Где она? – Ветров вскочил с места.

– В коридоре.

– Приглашай, а я позову Савича.

В кабинет вошла Еремка, настороженно глядя на Ветрова. За ней – следователь прокуратуры.

Савич, ознакомившись с протоколом, составленным Майским, спросил:

– Не обиделись за бесцеремонность?

– Нет, что вы, раз надо, так надо.

– Скажите, Наталья Ивановна, когда вы видели в последний раз Олега?

– Да уже месяца полтора. Он пришел ко мне пьяный, еле на ногах стоял. Приглашал погулять. Но я так отчитала, что он больше не появляется.

– А при каких обстоятельствах он подарил серьги и часы?

– Это было еще зимой. У меня 14 февраля день рождения. Я пригласила друзей, пришел и Алик. Тогда и подарил он мне все это... Когда я увидела серьги и часы, то спросила, где он взял столько денег. Алик ответил, что он на такие вещи богат. А меня подарок очень смутил. Во-первых, его стоимость, во-вторых, – это я потом заметила – вещи были без упаковки. В общем, не выдержала, взяла серьги, часы и пошла к его родителям. Рассказала и возвратила подарок. Мать, помню, разволновалась. Но через день приходит Алик. Он объяснил, что купил часы и серьги на деньги, которые ему тайком от матери дал отец. Я спросила, что же тогда значили его слова о богатстве. Ответил, что пошутил. Взяла я эти часы и серьги, но избавиться от какого-то нехорошего чувства не могла.

– А других предметов, ценностей или, скажем, оружия вы у него не видели?

После продолжительного раздумья девушка ответила:

– Нет, не видела. Правда, однажды мне нож показывал. Вот такой, – она руками показала его размеры, – с костяной ручкой. На вопрос, зачем он носит его с собой, Алик рассмеялся и ответил, что нож ему нужен, чтобы меня убить.

– А с кем он дружил?

– Точно не скажу. Ко мне он приходил один. Видела его в компании с Василием Баскиным, Дрейчуком Виктором. – Она на секунду задумалась, а затем добавила: – Еще с Колей Тищенко. А больше и не знаю...

Еремка вызывала доверие, и поэтому следователь задал ей еще один вопрос:

– Скажите, Наталья Ивановна, а Васеев Вячеслав вам не знаком?

Девушка задумалась. Ветров, желая ей помочь, продолжил:

– У него еще клички Глухой, Пловец.

Девушка оторвала от стола взгляд.

– Высокий такой, худой? Видела его года полтора назад. С такой улыбкой противной.

– Часто они встречались?

– Видела этого Славку раз пять. Алик как познакомился с ним, так и начал пить.

– А где сейчас этот Славка находится, не знаете?

– Я уже давно его не видела. Правда, Алик мне как-то говорил, что уехал он навсегда. Сначала переживал, потом успокоился.

– Хоревича Валерия, по кличке Крот, не знаете?

– Нет, даже не слышала о таком.

Савич приступил к записи показаний, а Ветров направился к родителям Воронова. Предстоял нелегкий разговор, но генерал Романов приказал лично провести его.

...Савич на время расследования переселился в здание Управления внутренних дел. Ему отвели отдельный кабинет, и он почти не выходил из него: нужно допросить массу людей. Когда к нему снова заглянул Ветров, он разговаривал уже с четвертым свидетелем.

Савич прервал допрос одного из работников тира, попросив его подождать несколько минут в коридоре.

– Как встретили родители Воронова твоё сообщение?

– И не спрашивай! Он у них один. Сейчас там такое творится! Дай, пожалуйста, разрешение на выдачу трупа из морга. Шофер ответит.

Пока следователь оформлял соответствующие документы, Ветров, глядя в окно, о чем-то думал. Повернувшись к Савичу, сказал:

– Я где-то читал, что рождение – это случайность, а смерть – жестокая закономерность. Не могу никак понять, почему эта закономерность наступает неожиданно и, главное, не вовремя. Возьми Воронова. Мог же парень жить да жить. Родители, чувствуется, все делали, чтобы учился, был счастлив. Жаль только, что слепо верили в его счастливую звезду. А вот к труду не приучили. И в этом их вина. Безделье не идет на пользу никому, особенно молодым. К сожалению, Вороновы и сейчас этого не поняли. Ты бы знал, сколько упреков в адрес милиции я выслушал. Особенно от родственника, работающего в какой-то аптеке. Обещал до министра добраться. Так что готовься, друг мой, тебе он тоже пообещал что-то в этом роде.

– Ты от этого загрустил? – спросил Савич.

– Нет, конечно. Жаль парня, да и родителей его. И вообще, кому приятно видеть смерть человека? Ну ладно, продолжай работу, а я доложу Романову.

Он жил в этой квартире

Майский вдвоем с лейтенантом Осиповым проверяли лиц, которые находились в колонии вместе с Васеевым. Целый день ездили по городу, ходили по домам. Безрезультатно. Уже вечером позвонили в тридцать седьмую квартиру. Открыла молодая женщина.

– Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, здесь живет Лапко Сергей Федорович?

– Да, здесь, но сейчас его нет дома.

– Мы из милиции. Разрешите войти. – Майский протянул хозяйке служебное удостоверение.

Женщина отступила от двери, суетливо предложила:

– Да, пожалуйста, входите. А что случилось?

– Ничего особенного, у нас только один вопрос: не приходил ли кто из товарищей или знакомых вашего мужа по колонии?

Майский ожидал уже ставшее привычным за сегодняшний день «нет», и с его губ уже готово было сорваться «извините», «до свидания». Но женщина ответила иначе:

– Да, останавливался один недавно. Хоревич. Но вот только куда-то пропал. Переночевал три ночи, а затем как в воду канул. Я уже мужу предлагала, чтобы он в милицию сообщил, человек ведь приезжий, впервые в городе. Все что угодно может случиться. Вижу, права была.

– А где сейчас муж?

– В магазин пошел, скоро будет.

Майский и Осипов прошли в небольшую комнату, присели на предложенные хозяйкой стулья. Ждать долго не пришлось. Лапко своим ключом открыл дверь, разделся в прихожей. Вошел в комнату и удивленно уставился на незнакомых людей.

– Сережа, это товарищи из милиции. Хоревичем интересуются.

– А что, уже успел что-либо натворить? Ведь не зря четыре дня отсутствует...

Майский прервал его:

– Сергей Федорович, откуда вы знаете Хоревича?

– По колонии... Я ведь судим был.

– За что?

– По глупости. В ресторане пьяным полез правоту доказывать. Ну, в общем, подрался. Два года дали на размышление. С Хоревичем друзьями не были, но когда он появился и попросил разрешения пожить неделю, не отказал. Отвели мы ему вторую комнату – так и стал он у нас временным квартирантом.

– С какой целью он сюда приехал?

– Говорил, что хочет одного человека найти. Откровенно говоря, мне с ним по-настоящему и поговорить не пришлось. Уходишь на работу – он спит, приходишь – его еще нет.

– С кем он здесь встречался?

– Не знаю.

– А никто его не спрашивал? Не заходил?

– Нет... Впрочем, приходил какой-то цыган. Я тогда один был. Спросил Хоревича. Я ответил, что дома нет. Он извинился и ушел.

Хозяйка, до этого не вступавшая в разговор, встрепелась:

– Цыган, говоришь? С усиками?

– Да, с усиками. – Лапко удивленно посмотрел на жену и спросил: – Ты что, его тоже видела?

– Да, шла однажды домой. Смотрю, к углу нашего дома такси подошло. За рулем цыган сидит. Я обратила внимание потому, что не часто цыгана-таксиста увидишь. Смотрю, а рядом с

ним Хоревич. Они на меня внимания не обратили, о чем-то оживленно разговаривали. Хоревич минут через тридцать пришел.

– У вас его какие-нибудь вещи остались? – спросил Осипов.

– Да, он с чемоданом приехал, – ответила женщина и пригласила всех во вторую комнату.

Чемодан лежал на полу у кровати.

Осипов попробовал открыть, но чемодан был на замке.

– Дайте, пожалуйста, шило или гвоздик.

Пока хозяин ходил на кухню, пригласили понятых. Осипов склонился над чемоданом, и вскоре работники милиции рассматривали его содержимое. Кроме двух рубашек, белья, электробритвы и других туалетных принадлежностей обнаружили две пачки малокалиберных патронов.

Обыск

Принимая во внимание, что в квартире гражданина Воронова могут находиться вещи и предметы, имеющие значение по делу, на основании статьи 167 УПК БССР постановил: произвести в квартире Воронова Олега Семеновича обыск.
Следователь прокуратуры Савич

Прежде чем принять решение об обыске в квартире Воронова, Романов, Матвеев и Савич думали долго. С одной стороны, сделать обыск у человека, который недавно погиб, – значит, заранее быть готовым к жалобам, но с другой – тщательный осмотр квартиры и вещей мог многое дать для раскрытия кражи оружия.

На обыск вместе с Савичем поехал лейтенант Лепешко, привлекли также Маркова и Кривца.

Дверь открыл отец Олега, из-за спины выглядывала мать. Савич поздоровался, попросил разрешения войти. Супруги молча посторонились. В квартире было тихо, все напоминало о недавней трагедии. Из дальней комнаты вышел пожилой мужчина, и Савич сразу же вспомнил рассказ Ветрова о родственнике Вороновых.

– Мы понимаем, что вам сейчас не до нас. Но обстановка требует быстрых мер. До сего времени неизвестны мотивы убийства. Возникла необходимость дома у Олега поискать ответы на некоторые вопросы. В связи с этим мы бы хотели вместе с вами осмотреть комнату, в которой обычно находился Олег...

Родственник, до этого стоявший у проема двери, быстрыми шагами подошел к хозяину:

– Слышишь, Семен, они хотят ответ на вопрос, кто убийца, и причину убийства искать здесь, в твоей квартире! – Затем он повернулся к Савичу: – Я отвечу на ваши вопросы. Вы посмотрите, по улицам днем честному человеку пройти невозможно!

– Это вам-то невозможно? – спросил Савич.

– Нет, ко мне еще не приставали, но к людям... С Олегом так получилось. При дневном свете напали бандиты, ограбили, убили. А милиция и прокуратура в шапку спят да еще претензии к потерпевшим предъявляют!

Савич понимал, что вступать в спор нет необходимости, и кивнул Лепешко. Тот молча вышел и через несколько минут возвратился в сопровождении милиционера и двух понятых...

Нашли под матрацем часы Олега, на отсутствие которых и намекал родственник, говоря об ограблении. Но больше ничего...

Жалоба помогла

Ветров возвратился из больницы. Шатилов по-прежнему был без сознания, и надежды на то, что он сможет дать показания, не было.

Позвонил начальник управления. Ветров пошел к нему. В кабинете Романова сидели родители Воронова и их родственник. Они пришли с жалобой на действия работников прокуратуры и милиции, которые произвели обыск в квартире. Говорил отец:

– Олег у нас был замечательный парень. Ни с кем из швали дружбы не водил. И не надо искать разгадку злодейского убийства среди его друзей.

Ветров не раз удивлялся выдержке Романова. Сидит со спокойным лицом и внимательно слушает. А Воронов продолжал:

– Никогда голоса на родителей не поднял. Относился к нам хорошо, жалел. Мы как-то хотели ему тахту купить вместо старой металлической кровати, но он не разрешил, пожалел наших денег.

– А когда это было? – спросил генерал.

– Да где-то месяца два назад.

– Скажите, товарищ Воронов, а почему ваш сын не работал?

– Мы решили с женой дать ему летом отдохнуть. Сами получаем достаточно и можем себе позволить, чтобы один член нашей семьи не работал.

– Ну а вам известно, с кем он дружил?

Воронов замялся:

– Дружил?.. Ах да, с девушкой по имени Наташа. Мать, как ее фамилия, я запомнил?

– Еремка. Они раньше в одной школе учились.

– Ну а с ребятами он дружил?

– Да, наверное... Но с кем, я, право, не знаю. Таня, ты знаешь?

– Нет, он мне об этом не говорил.

Генерал повернулся к родственнику:

– А вам известно, с кем он дружил?

– Нет.

– А почему он институт бросил?

Родители молчали.

– Вот видите, товарищи, а вы возмущаетесь, почему мы обыск сделали. Для нас даже незначительная деталь может оказаться золотым ключиком. Вы говорили, что Олега ограбили и забрали у него часы, а обыск позволил нам найти часы и отбросить эти предположения. Так что не надо обижаться и мешать нам исполнять свой долг...

Супруги и их родственник ушли. Проводив их, генерал, хитро улыбаясь, остановился напротив Ветрова:

– Заметил, кровать не захотел менять? Считаешь, он их деньги пожалел?

– Вы думаете, товарищ генерал, что в ней...

– Думаю. Давай-ка бери машину, приглашай Савича и...

Номер машины не запомнили?

Девушка была опечалена. Она стояла у окна диспетчера и рассказывала:

– Я достала кошелек, а сумку положила на сиденье, рассчиталась. Когда машина ушла, вспомнила о сумочке...

Диспетчер – круглолицая черноволосая женщина – спросила:

– Номер машины не запомнили?

– Нет. Водитель такой худощавый, с усиками, глаза у него черные.

Диспетчер задумалась:

– Говорите, с усиками... А на цыгана не похож?

– Может быть. Вот если бы увидеть. Их много у вас?

– Цыган – двое. Один в отпуске, выйдет дня через три-четыре. Значит, нужно посмотреть на Стасевского Петра Станиславовича. Сегодня он в первую смену, минут через сорок будет здесь.

Девушка поблагодарила диспетчера и вышла на улицу дожидаться Стасевского.

Повторный обыск

Ветров, казалось, не слышал крика хозяина квартиры, которого Савич безуспешно пытался успокоить. Майор, как взыправдашний слесарь, орудовал гаечным ключом, разбирал металлическую кровать, на которой ранее спал Олег. Вот он снял верхнюю часть и, перевернув спинку, начал стучать ею о пол. А из ножек, как из рога изобилия, посыпались небольшие бумажные свертки. Савич поднял несколько из них, развернул. На ладони ярко заблестели серьги и дамские золотые часики.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

Узнали цыгана

Майский вместе с Лапко и его женой стояли у выхода из таксомоторного парка и ждали Стасевского. Он уже закончил работу и вот-вот должен появиться из проходной. А вот и он. Стасевский направился к трамвайной остановке.

Лапко и его жена почти в один голос заявили:

– Он!

Большого Майскому и не нужно было. Он пригласил супругов Лапко в машину и повез домой.

Версии отпадают одна за другой

Романов проводил очередное совещание. Докладывал Матвеев:

– То обстоятельство, что мы нашли в квартире Воронова похищенные золотые изделия, не продвинуло нас вперед. Обрывается и версия, что к преступлению мог быть причастен тот, у кого остановился Хоревич. Смерть Хоревича унесла с собой разгадку дела. А он мог бы нам многое дать! Неутешительной оказалась и проверка друзей Воронова. Ни Баскин, ни Дрейчук, ни Тищенко к преступлению непричастны и ничем помочь нам не могут. Остается только одна ниточка – таксист Стасевский. А что мы знаем? Только что он знаком с Хоревичем. Поэтому предлагаю на этой версии сконцентрировать основное внимание.

Матвеев сел. В кабинете наступила тишина. Романов не спешил. Он давал присутствующим время подумать. Отыскал глазами Севидова, спросил:

– Что вы можете сказать?

Севидов встал.

– Сидите, сидите.

– Я, товарищ генерал, думаю, что нам нужно установить, куда Воронов спрятал остальные ценности. Тысяч на пятнадцать мы так и не нашли. Дома у Воронова изъяли все. Значит, были у него пока не известные нам связи.

Романов согласно кивнул головой.

– Да, вы правы. Мы обязаны искать ценности и, главное, людей, в чьи руки они попали. Воронов был на виду у многих людей, и кропотливый опрос может дать положительные результаты... А по республике нет никаких сигналов? – спросил у своего заместителя.

– Пока ничего интересного. Правда, прошлой ночью под Гомелем совершено вооруженное нападение. Преступники задержаны. У них изъяты самодельные пистолеты.

– А патроны?

– Калибр не наш, Виктор Алексеевич.

Слово взял Савич. Он попросил ускорить проверку некоторых людей и поторопить группу, работающую по раскрытию краж из магазинов.

Встреча в парке

Внимание старшины Маркова привлек подросток лет пятнадцати. Вышел он из кинотеатра, не дождавшись конца сеанса. Сильно шатаясь, побрел к стоявшей у кустов скамейке. Его тут же стошнило.

Марков зашел за угол кинотеатра, включил радиостанцию и попросил дежурного по отделу направить к кинотеатру «скорую помощь». Парню было совсем плохо.

– Что, брат, перепил? Разве можно так? В твоём возрасте молоко пить надо.

Подросток тяжело дышал. У старшины в кармане лежали бинт, жгут, таблетки от головной боли. Но лекарства, которое могло бы помочь мучающемуся от отравления алкоголем, не было. Марков снова включил радиостанцию.

Машина неслась по безлюдной аллее. Марков несколько раз мигнул карманным фонариком, и «скорая» остановилась. Врач, средних лет мужчина, и молоденькая медсестра склонились над подростком. Пока делали укол, шофер достал из машины носилки. Врач и Марков положили на них больного, и через несколько минут машина увезла его из парка.

– И какой это сукин сын спойл мальчика?!

Старшина продолжал службу. В эти минуты он даже не предполагал, что скоро, даже очень скоро, судьба сведет его с этим парнем.

Марков прошел по самым темным и глухим местам парка и возвратился к концу сеанса. Люди выходили из зрительного зала, быстро расходились в разные стороны. Торопились и работники кинотеатра: был последний сеанс.

Вдруг Маркова позвали, голос шел из дальней, еще не закрытой двери. Старшина вошел в зал. Администратор Ольга Степановна указала пальцем в дальний угол: там на полу лежал паренек – ровесник того, что увезла «скорая». Старшина дотронулся рукой до плеча лежавшего:

– Проснись, вставай!

Спавший вздрогнул, поднял голову. Увидев милиционера, тяжело поднялся:

– Извините, уснул.

От него сильно разило спиртным.

– А где это ты выпил?

– С другом.

Старшина вызвал патрульную автомашину, а сам, достав записную книжку, спросил парня:

– Фамилия?

– Ростик Петр.

– Как фамилия друга?

– Кранов Николай. Мы вместе с ним в кино пришли. Но только где он сейчас, ума не приложу.

– Что вы пили?

– Коньяк. Сначала одну бутылку, потом вторую. Николай предложил в кино пойти.

– А где вы коньяк взяли?

– Да у Николая дома.

Подошла машина. Марков, поддерживая шатавшегося из стороны в сторону Ростика, вывел его из кинотеатра, передал экипажу.

– Рапорт напишу, когда приду в отдел.

До конца дежурства оставалось три часа. Марков вдвоем с Кривцом шли по парку. В темной аллее они нагнали едва шедшего человека. Маркову показалось, что он где-то уже видел его. Но где? Вспомнил. В тот вечер, когда был убит Хоревич, видел его в парке тоже пьяным.

– Что же это вы, товарищ, так частенько в рюмку заглядываете?

– Понимаете, с товарищами по случаю отпуска выпили...

– Вы мне такое объяснение еще на прошлой неделе давали. Вам мой совет: пока не поздно, одумайтесь, а то так и до беды недалеко.

– Давай проведем до квартиры, а то в историю какую-нибудь попадет.

Поддерживая мужчину под руки, дошли до подъезда. В этот момент во двор въехала милицeйская машина. Шофер открыл дверцу. Марков увидел уже знакомого Петра Ростика. Парень подскочил к мужчине:

– Папа? За что тебя задержали?

– Вот это да! – удивился Марков. – Отец и сын – друзья по несчастью. Идите оба домой, а завтра разберемся, что с вами случилось.

В отделе Марков, сдав оружие, рассказывал о происшествии. Дежурный, немолодой капитан, вспомнил:

– Кстати, Михаил Антонович, звонили из больницы. Сказали, что парень, которому ты «скорую» вызывал, пришел в себя и домой просится. Может, ты по пути заберешь его? Он в твоём районе живет.

– Хорошо, заберу.

– Только не забудь на завтра его с родителями в детскую комнату пригласить.

В больнице Марков взял пришедшего в себя Кранова, посадил в машину, и уже минут через пятнадцать оба входили во двор дома. Молча подошли к двери квартиры, остановились. Парень медлил, надеясь на то, что милиционер уйдет. Но старшина должен был передать Николаю в руки родителей, и поэтому сам постучал в дверь. Вскоре в сенях послышались шаги и сонный голос:

– Кто там?

– Папа, это я, открой.

Дверь открылась. Мужчина, увидев милиционера, заволновался:

– Что случилось?!

– Ничего особенного. Сына вашего доставил, так что приглашайте в дом.

– Да, да, входите, пожалуйста, – суетливо предложил хозяин.

Марков, подталкивая Николая, пошел следом. Они оказались в кухне. У дверей, ведущих в комнату, застыл какой-то мужчина.

«Ишь ты, уже оделся», – подумал старшина. Его удивили напряженная поза мужчины, следы тревоги на лице. «Интересно, чего он так стоит, вроде бежать собрался?» – подумал Марков и, повернувшись к хозяину, сказал:

– Ваш сын ночью был задержан в сильной степени алкогольного опьянения и доставлен в больницу.

Отец подошел к сыну и дал ему подзатыльник:

– Ты где это так набрался, стервец?

– Дома выпил и опьянел.

Марков, словно поддерживая отца, спросил:

– А что ты пил?

– Коньяк.

– А где брал?

– Да у нас дома ящик стоит. Решили с Петькой немножко выпить. Только не рассчитали...

Краем глаза Марков видел, как забеспокоился отец. Не показывая виду, продолжал беседу:

– А чей это коньяк, что ты им, как собственным, распоряжаешься?

– Папа принес.

Старшина сделал наивное лицо и повернулся к отцу:

– А для чего вы ящиками коньяк таскаете? Специально хотите сына на пьянство толкнуть?

– Да я... понимаете, мы... вот с братом, – он кивнул на стоявшего у дверей мужчину, – купили. Скоро день рождения, хотели отметить.

Михаил Антонович видел: что-то здесь нечисто. Решил виду не показывать, позже поделиться подозрениями с Ветровым. Поэтому он тут же переменял тему:

– Ну, это ваше дело. Только завтра вместе с сыном зайдите в детскую комнату. С ним там побеседуют.

Соседи знают многое

Люди, живущие на одной улице в частных домах, знают друг о друге все. И охотно рассказывают.

Майскому не составляло труда собрать о цыгане интересные уголовный розыск сведения. Особенно много узнал со слов соседки, дом которой стоял рядом. В прошлом году какой-то молодой парень ходил по домам и предлагал золотые часы и серьги. Все отказывались, только со Стасевским, видимо, нашел общий язык, так как потом стал часто появляться в доме таксиста.

Продавцом золотых часов и серег мог быть Воронов.

Следователь Савич

Савич работал в прокуратуре пятнадцать лет. Ему довелось расследовать немало дел. Он хорошо знал, как важно расположить к себе человека, независимо от того, кем тот является – свидетелем, потерпевшим или обвиняемым.

Савич понимал, что соседка Стасевского своими показаниями может существенно продвинуть следствие вперед, и поэтому, готовясь к ее допросу, а также опознанию личности по фотографии, немножко волновался. Ветров, который находился у него, чувствуя настроение друга и не желая мешать ему, встал:

– Пока ты будешь заниматься с Михеевой, я ознакомлюсь с поступившими сегодня оперативными материалами. Закончишь – позвони. Вместе подумаем.

Минут через пять в кабинет вошла Михеева.

– Я Михеева. Вот повестка.

– Присаживайтесь, пожалуйста, Юлия Ивановна.

Женщина присела на стул, стоявший у стола следователя. После записи ее показаний Савич сказал:

– Юлия Ивановна, я хочу показать вам три фотографии. Посмотрите, не узнаете ли кого? Михеева склонилась над столом. Затем взяла фотографию Воронова.

– Вот этот хлопец приходил ко мне, да и ко многим моим соседям. Продавал часы и серьги. Говорил, золотые.

– Сколько раз вы видели, как он заходил к Стасевскому?

– Я не считала. Может, пять, может, шесть.

– Не видели, что он приносил Стасевскому?

– Я же говорю, когда пришел ко мне в дом, то предлагал часы и серьги. Я отказалась. Тогда он пошел к Стасевскому и находился у него около часа. Они одного поля ягоды. Только вы не добьетесь от Стасевского ничего.

– Это почему же?

– Третий он калач. Я это хорошо вижу. Не первый десяток на свете живу. Хорошего человека от плохого могу отличить. Посмотрите, что у него дома. Как во дворце. Машину купил. У него трое детей, работает только он. Посудите сами: разве можно на одну зарплату так жить?

Савич вскоре кончил допрос и попрощался с Михеевой. Позвал Ветрова, дал прочитать показания.

– Судя по всему, Стасевский тоже погрел руки, – предположил Ветров. – Проверю его сам.

Ночью всякое случается

Дежурить летом в воскресенье хлопотно. Выезжавшие за город к вечеру возвращаются возбужденными – кто от свежего воздуха, солнца и воды, кто от спиртного. Последних нередко приходится призывать к порядку. Марков и Кривец задержали трех подвыпивших парней, представших к пожилому мужчине. Кривец вместе с экипажем патрульной машины повез хулиганов в отдел, а Марков медленно пошел по улице. За долгие годы службы он познакомился со многими жителями района. Вот по противоположной стороне идут пожилые супруги. Они живут во втором подъезде дома № 3. У них три сына. Все самостоятельные парни. Младший перешел в десятый, увлекается спортом. Супруги, увидев Маркова, поздоровались.

Михаил Антонович свернул за угол и неторопливой походкой направился к кинотеатру «Мир». Там он должен встретиться с Кривцом. Навстречу шел Асаевич. К этому человеку старшина относился с недоверием. Асаевич был трижды судим. При встрече с работниками милиции вежливо здоровался, заверял, что изменился, завязал. Но Марков каким-то особым чутьем улавливал фальшь в голосе Асаевича.

– Здравия желаю, товарищ старшина. Что это вы сегодня один?

– Здравствуйте. Понадобится, буду и не один. А вы опять выпили? Смотрите, Асаевич, втянет рюмка в прошлое.

– Что вы, товарищ старшина. Это же я в честь воскресенья. В рабочие дни и в рот не беру.

Марков кивнул головой и пошел дальше. Ох, как он не верил Асаевичу! «Надо будет сказать Майскому, чтобы лучше разобрался в этом человеке», – подумал.

– Здравствуйте, Михаил Антонович. Что это вас давненько не видно? – окликнула девушка-киоскер.

– Здравствуйте, Лена, здравствуйте. Да, целых трое суток. Нес службу на другом участке. Без меня никто не обижал?

– Что вы, Михаил Антонович, никто. Да и кто посмеет? – засмеялась девушка. Она наклонилась и вытащила из-под прилавка несколько книг: – Вы как-то спрашивали детские сказки. Так я приготовила.

– Вот спасибо, Леночка. У меня как раз завтра выходной, к брату в деревню поеду. Славный будет подарок его ребятишкам.

Старшина рассчитался и, попрощавшись, пошел дальше, к кинотеатру. Темнело. Решили с Кривцом посмотреть дворы близлежащих домов. Там иногда в кустарниках собираются выпивохи.

Навстречу шел участковый инспектор Лукашик. С ним шесть дружинников. Узнав, куда они идут, Лукашик сказал:

– Мы тоже хотели прочесать эти дворы. Так что давайте разобьемся на группы.

Маркову и Кривцу не раз в этот вечер пришлось призывать нарушителей к порядку. Только к полуночи стало спокойней.

Неожиданно послышался их радиопозывной.

– Юпитер! Юпитер! Я сто сорок первый, слышу вас хорошо. Прием! – доложил старшина.

Дежурный по отделу приказал:

– Сто сорок первый, у входа в парк вас ждет патрульная машина. В магазин № 17, в квадрате 3, проник преступник. Вместе с экипажем примите меры к задержанию. Сторож ждет у магазина. Как поняли? Прием!

– Понял вас, понял! – ответил Марков.

Бегом бросились к выходу. А вот и машина. Вскочили в нее. Ехали минут пять.

Сторож – пожилая женщина – прерывистым от волнения и страха голосом сообщила:

– Вор забрался. Когда я обходила магазин с тыльной стороны, в кабинете заведующего загорелся свет. Я видела там мужчину.

Марков расставил людей, а сам вместе со сторожем подошел к магазину, обнесенному невысоким забором.

– Вот там, в кабинете заведующего, раньше света не было и вдруг прямо на моих глазах загорелся.

Михаил Антонович бесшумно перелез через забор. Что происходит в кабинете, не видно. Марков пододвинул ящик из-под бутылок, встал на него и осторожно глянул поверх занавесок... В кресле заведующего, спиной к окну, сидел неизвестный. Перед ним стояли открытые бутылки коньяка и шампанского. На глазах у Маркова преступник налил полстакана коньяку, выпил и прямо из горлышка запил шампанским. Затем, словно дразня Маркова, взял в руки дрель, лежавшую на стуле, повернулся вполоборота к стоявшему слева сейфу и, не торопясь, начал сверлить дверцу.

Сколько преступников в магазине? Чтобы выяснить это, Марков продолжал наблюдение. Нужно подождать, пока вторая машина привезет собаку-ищейку. Да и заведующий магазином, которому позвонила сторож, вот-вот должен быть. В его присутствии брать вора будет сподручнее: покажет все ходы и выходы. Дверные замки на месте, окна целы. Значит, вор забрался через приемное окно. Старшина осторожно опустился на землю, пошел вдоль стены. Так и есть: деревянная ставня взломана.

Подмога подоспела быстро. Марков ввел приехавших в курс дела. Посоветовавшись, решили заведующего не дожидаться. В магазин через взломанное окно полезут Марков, Кривец и проводник с собакой. Остальные окружают здание. Так и сделали.

Марков, осторожно ступая, пошел к кабинету заведующего. Дверь приоткрыта, и хорошо слышно, как сверлит дрель. Вор был слишком увлечен занятием, чтобы услышать шаги. Проводник молча отодвинул Маркова от двери. Отстегнул с ошейника собаки поводок, затем резко распахнул дверь:

– Фас!

Громадный пес одним прыжком достиг преступника, сбил, подмял под себя. Марков с товарищами в одно мгновение надели на вора наручники.

Старшина взглянул на задержанного и чуть не вскрикнул: перед ним стоял тот мужчина, которого он видел в квартире Кранова. Вор тоже узнал Маркова и усмехнулся:

– Привет, старшина. Меня домой, конечно, как того пацана, не поведешь?

– Для вас имеется другой дом.

А в магазин уже входили люди.

– Заведующий приехал, – сообщил проводник, ласково глядя по большой голове своего верного друга.

Марков, провожая взглядом машину, увозившую вора, подумал о своем рапорте. В нем он писал, что в квартире Кранова видел человека, который показался ему подозрительным. Проверить наблюдения старшины поручили Осипову, а тот решил не торопиться – мелочь, мол. Он так и сказал Маркову.

В автомобильном магазине

С утра Ветров был в ГАИ. Как он и предполагал, Стасевский приобрел «Волгу» после знакомства с Вороновым. Затем майор поехал в автомагазин. Директор пригласил бухгалтера:

– Вера Ивановна, дайте, пожалуйста, товарищу журнал учета очереди на автомобиле «Волга» и найдите ему в бухгалтерии место. У меня здесь и минуты спокойно не посидишь.

Ветров быстро отыскал в журнале фамилию Стасевского. Бросилось в глаза то, что фамилия и адрес написаны поверх вытертого текста. Ветров подозвал бухгалтера, которая что-то искала в небольшом, битком набитом шкафу:

- Вы не знаете, что за текст был здесь раньше?
- И этого никогда не видела. Может, изменен адрес?
- Тогда зачем же стирать фамилию?
- Да, вы правы. Почерк не мой.
- Вы ведете этот журнал?
- Да, но эту запись я не делала.
- А кто?
- Не знаю.
- Мне придется на время взять у вас журнал.
- Пожалуйста, если надо. Спрошу только разрешения у директора.

Совещание

На основании изложенного прихожу к следующему выводу:

1. Уничтоженный текст, ранее учиненный под № 6487 в книге учета покупателей автомашин «Волга», был следующего содержания:

«Иванов Леонид Леонидович, проживающий по улице Смольской, 14а, кв. 6».

2. В результате почерковедческой экспертизы установлено, что запись «Стасевский Петр Станиславович, проживающий по Партизанскому проспекту, 15, кв. 1» учинена гр-ном Стасевским Петром Станиславовичем.

Из заключения эксперта Оперативно-технического отдела МВД

Романов проводил совещание с оперативной группой. Докладывал майор Ветров. В руках он держал блокнот.

– При обыске в квартире Кранова мы обнаружили двенадцать бутылок армянского коньяка и сорок шесть банок растворимого кофе.

– Кем оказался задержанный в магазине?

– Четырежды судимый Волох. Разыскивается Одесским уголовным розыском за кражу из квартиры.

– А как он проник в магазин?

– Взломал запоры на приемном окне.

– Чем взламывал?

– Небольшим металлическим ломиком. Принес с собой.

– Изъяли ломик?

– Так точно. Сейчас он находится у эксперта ОТО. Проверяют, не этим ли предметом взламывались запоры в тире, еще раньше – в магазине.

– Ну а как же получилось, что произошла задержка с проверкой рапорта Маркова?

Осипов вскочил со стула и, вытянувшись по стойке смирно, сказал:

– Это моя вина, товарищ генерал. Я решил, что старшина Марков несколько преувеличивает, и не стал торопиться с проверкой. Думал сделать на следующей неделе.

Генерал нахмурился:

– Пусть этот случай послужит вам хорошим уроком. Вы молодой сотрудник и не считайте ззорным учиться у более опытных, пусть даже у них и образования маловато. Помните это, товарищ Осипов. – И, повернувшись к Ветрову, спросил: – Как у нас со Стасевским?

– Здесь, Виктор Алексеевич, события развиваются очень интересно. После того как соседка Стасевского по фото признала в Воронове человека, который предлагал ей купить золотые изделия, мы проверили, каким образом приобретена «Волга». Здесь не обошлось без подделки. Никто из работников магазина не ответил на вопрос, кто вытирал старую запись и регистрировал Стасевского. В связи с этим журнал изъят и направлен на исследование. Экспертиза дала заключение...

Иванов умер

Ветров позвонил. Подождал немного и снова нажал кнопку. Тихо. «Не повезло», – вздохнул Игорь Николаевич и пошел по лестнице. Навстречу с хозяйственной сумкой в руке поднималась пожилая женщина.

«Может, она?» – подумал майор. И действительно, женщина остановилась у той самой двери, достала ключ.

– Скажите, здесь проживает Иванов Леонид Леонидович?

Женщина как-то странно взглянула на незнакомца, пригласила войти в квартиру и уже там, в небольшой полутемной прихожей, не отвечая на вопрос, спросила:

– А вы кто будете?

– Я работник милиции. – Ветров протянул женщине удостоверение.

– Леонид Леонидович умер год назад. А вам по какому вопросу он понадобился? Может, я, как его жена, смогу ответить?

– Извините, не знал я, что у вас такое горе. Я хотел бы выяснить, стоял ли он в очереди на приобретение автомашины.

– Да, несколько лет назад записался. Получали мы тогда немало, жили вдвоем. Дети взрослые, обеспечены. Вот он мне как-то и предложил: «Давай купим машину. Летом за город или к родственникам в деревню с шиком ездить будем». Я согласилась. Но, как видите, не дождался, бедный. Сердце подвело. Никогда не болел, и вдруг...

– Скажите, а фамилия Стасевский вам ничего не говорит?

– Нет, не знаю такого.

– Понимаете, мы столкнулись с таким случаем: в журнале, который ведется в магазине, вместо вашего мужа вписан Стасевский. Кто-то сделал подчистку. Весной этого года Стасевский приобрел «Волгу».

Женщина задумалась:

– Как же это так получилось? А в магазине что говорят?

– Ничего они объяснить не могут. Извините, не буду больше отнимать у вас времени. Не обижайтесь на нас, но как-нибудь к вам заедет следователь.

– Я вечерами всегда дома.

Ветров попрощался и вышел. Он уже спустился на первый этаж, как услышал голос Ивановой:

– Подождите минутку!

Ветров быстро поднялся. Женщина ждала его на лестничной площадке:

– Скажите, а этот Стасевский случайно не таксист?

– Да, он работает водителем такси.

– Боже мой, как же я забыла? Проходите в квартиру.

Усадив Ветрова в кресло, она начала рассказывать:

– В июле прошлого года муж возвращался из командировки. Ехал автобусом. Неожиданно ему сделалось плохо. Попросил водителя остановить автобус. Вышел на дорогу, но пассажиры торопили. Леонид всегда старался не причинять людям хлопот. Решил остаться на свежем воздухе, а потом добраться на попутной. Автобус уехал. Минут через тридцать ему стало лучше. Остановил такси. Хотя в нем сидели три пассажира, водитель-цыган взял. В пути разговорились. Леонид спросил мнение водителя о «Волге», сказав, что стоит в очереди на такую же.

Попутчики вышли где-то на окраине, а Леонид назвал свой адрес. И вдруг он снова почувствовал себя плохо. Это заметил водитель и потребовал, чтобы муж с ним рассчитался. Леонид отдал деньги и, чувствуя, что ему хуже, попросил таксиста отвезти его в больницу. Но

тот отказался. Когда они подъехали к нашему дому, Леня был уже в полуобморочном состоянии. Водитель взял портфель, и они оба вошли в квартиру. Когда я увидела Леонида, глазам своим не поверила, настолько он был бледным. Я уложила его на диван, по телефону вызвала «скорую». Таксист потребовал, чтобы я с ним рассчиталась за проезд. Дала десятку. Когда Леониду оказали помощь и ему стало лучше, он рассказал о своих приключениях в дороге.

Приблизительно через неделю после похорон ко мне неожиданно пришел тот цыган и сказал, что муж просил его помочь выбрать машину. Я прогнала его, крикнув, что нам не нужны ни машина, ни помощь таксиста, даже назвала его убийцей. Больше я его не видела.

– А очередь в магазине вы не интересовались?

– Нет. Мне теперь машина не нужна.

...Ветров шел по улице и обдумывал план дальнейших действий. О Стасевском надо собрать как можно больше сведений. Что ж, начнем с работы.

Таксопарк находился недалеко, можно пройти и пешком. Внимание Ветрова привлекла игрушечная железная дорога, выставленная в витрине магазина «Детские игрушки». Он уже давно обещал сыну такую. Через пять минут, держа в руке сверток, вышел из магазина. И вдруг на остановке такси увидел Стасевского. Узнал его по фотографии.

Машина Стасевского стояла третьей, пассажиров не было. У Ветрова мелькнула мысль: «А что, если прокатиться? Стасевский вряд ли знает меня в лицо. Одет же я в гражданский костюм».

Ветров стал в сторонке, подождал, пока ушли две передние машины. Подскочил к такси, открыл переднюю дверцу:

– Добрый вечер. Вы меня подбросьте, пожалуйста, к магазину «Яхонт».

– Пожалуйста, – ответил цыган и, трогаясь с места, добавил: – Нам лишь бы платили да о чае не забыли.

Вел он мастерски, привычно лавировал в потоке машин.

– Подождите, пожалуйста, пару минут. В магазин забегу, и поедем дальше. – Ветров начал выходить из машины.

– Э, нет, дорогой, – запротестовал Стасевский. – Сначала задаток. У нас многие говорят «подожди минутку», а уходят навсегда. А нам плати. Это из копеечной зарплаты.

Ветров рассмеялся:

– Ну вам, по-моему, еще никогда не приходилось платить. Я оставлю сверток. Здесь электрическая железная дорога, без которой сын домой не пустит. Хорошо?

– Пожалуйста, мне лишь бы знать, что возвратитесь.

Ветров вошел в магазин. Потолкавшись среди покупателей, он скоро вышел и, открывая дверцу машины, попросил:

– Давайте съездим к Дому печати, говорят, в «Аметисте» может быть то, что мне нужно. Машина снова понеслась по улицам.

– А что вы ищете?

– Недорогие золотые серьги. У жены и сына завтра день рождения. Сыну взял подарок, а жене, чувствую, придется поискать. – И подумал: «Клюнет или нет?»

О такой игре со Стасевским Ветров раньше и не думал. Помог случай. Игорь Николаевич по опыту знал, как бывает важно воспользоваться моментом. Можно сэкономить недели или даже месяцы.

Стасевский клюнул. Это заметно по появившемуся интересу к пассажиру.

– Вы в городе живете? – спросил он.

– Да.

– А работаете где?

– В научно-исследовательском институте.

Стасевский остановил у «Аметиста». Через несколько минут Ветров расстроенный возвратился к машине.

– Ничего у них хорошего нет. Давайте проедем в центр. Может, там что-либо найду.

Стасевский взглянул на часы:

– Вряд ли успеем до закрытия. Пока вы ходили, я вспомнил об одном знакомом. Он работает на базе ювелирторга. Я у него по знакомству доставал подобные штуки. Так что, если хотите, на работу или домой завтра подвезу серьги. Понравятся – возьмете.

– А они золотые, с пробой? – колебался Ветров.

– Настоящие. Можете не волноваться. Я не жулик какой-нибудь. – И похлопав рукой по баранке, добавил: – Государство доверило почти десять тысяч...

– Ну что ж, если вам не сложно, то привезите. Только не очень дорогие.

Договорились встретиться завтра в шесть часов вечера на площади. Ветров доехал до улицы Энгельса, рассчитался. Стасевский взял с него строго по счетчику и даже о чаевых не намекнул.

В таксопарке

В связи с тем, что Ветров пошел на контакт со Стасевским, в таксопарк поехал инспектор уголовного розыска Леньков. Побеседовал с директором, секретарем партбюро, с начальником колонны. Стасевского знали все, и мнение о нем у всех одинаково – жадный до омерзения, характер склочный.

– Поговорите с водителями, ну хотя бы с Захаревичем. Они больше о нем расскажут, – предложил начальник колонны.

Леньков нашел Захаревича на мойке.

– Здравствуйте. Я из милиции. Нам нужно побеседовать. Подожду в кабинете директора.

– Хорошо. Я вот только машину поставлю.

Захаревич, высокого роста, неторопливый и рассудительный в разговоре, вызывал доверие.

– Иван Арсентьевич, я хотел побеседовать с вами о Стасевском. Говорят, вы раньше с ним на одной машине работали.

– Да, было такое. Не вытерпел его нахальства, попросился на другую машину.

– Иван Арсентьевич, никто, кроме вас, не может так объективно и справедливо охарактеризовать Стасевского. Скажите, только откровенно, вы согласны помочь нам разобраться в этом человеке?

– Случилось что-нибудь серьезное?

– Да!

– Что вас интересует?

Купите серьги

Кранов и Волох под давлением улик сознались в трех кражах. Но причастность к нападению на Шатилова и сторожа магазина отрицали.

Савич надеялся на заключение экспертизы по изъятому у них ломик. И вот оно получено. В нем категорически отрицалось применение этого ломика в тире и в магазине, где совершено нападение. Уголовное дело Волоха и Кранова передали другому следователю.

Савич был готов к допросу Стасевского и ждал, когда Ветров доставит его в управление. «Если удастся найти хотя бы что-нибудь из похищенного, – думал Савич, – разговор будет легче вести. Ох, не потеряли бы его наши люди».

Неотступно следовать за Стасевским поручили Майскому и Осипову. Надо выяснить место хранения ценностей. И оперативные работники с утра сидели у него на хвосте.

Стасевский вышел из дому в шесть утра. Остановился у ворот, закурил. На трамвае доехал до таксопарка. Вскоре он выехал и почти весь день развозил в разные стороны пассажиров. Ни один из них не был знаком со Стасевским. Об этом свидетельствовало то, что каждый, выходя из машины, платил за проезд. Около трех часов дня Стасевский высадив очередного пассажира, подъехал к стоянке и спросил:

– Кто в сторону Северного поселка?

Желающих ехать в тот конец города не нашлось, и Стасевский поехал порожняком. На одной из улиц поселка остановил машину. Вошел в небольшой деревянный домик. Оперработники стали за углом. Осипов прошел мимо, краешком глаза осмотрел двор. Слева находился сарай, у входа в который играли две девочки. Стасевский в сопровождении высокого мужчины вышел из дома. Выглянули из калитки – никого. Быстро возвратились во двор, скрылись в сарае...

Минут через десять Стасевский уехал. Майский остался выяснять, кто проживает в доме, а Осипов с шофером продолжали наблюдение.

Стасевский пообедал в кафе и сразу же влился в поток такси. В шесть вечера отвез двух женщин к обсерватории. Больше пассажиров брать не стал. Приехал к ювелирному магазину. Осипов поспешил за ним. Стасевский подошел к прилавку, обратился:

– Девушка, выручите, пожалуйста. Дайте две коробочки. Хочу друзьям запонки подарить. Себе покупал и коробочки выбросил.

– Такие подойдут? – спросила продавщица.

– Да, вполне. Сколько с меня?

– Ничего. У нас многие вынимают покупку, а коробочку оставляют на прилавке.

– Спасибо, девушка, до свидания!

Он вышел из магазина, сел в машину и вскоре приехал к месту встречи. Ветров уже ждал его.

– Добрый вечер.

– Здравствуйте.

Стасевский, не теряя времени, приступил к делу.

– Я попросил у друга кроме серег и часы. Можете посмотреть.

Ветров открыл коробочку, там лежали дамские золотые часы.

– А сколько они стоят?

– В цене сойдемся. Между нами говоря, за часы он просит дешевле обычной стоимости.

– А они новые?

– Конечно.

Ветров молча вертел в руках часы и серьги: «Наверняка из той партии. Торопиться не буду, поторгуюсь».

Стасевский старался держать себя непринужденно, но глаза все время рыскали по сторонам, руки то нервно сжимали баранку, то беспокойно шарили по сиденью, да и непрерывно льющийся поток слов выдавал его с головой. Не выдержал, спросил прямо:

- Ну как, берете?
- Хорошо, беру. Но только подъедем ко мне. Я рассчитывал только на серьги.
- О чем вопрос, – с облегчением сказал Стасевский. – Куда ехать?
- Улица Фабрициуса.

Ветров не случайно назвал эту улицу. Стасевский вынужден будет ехать мимо городского управления милиции, где их ждут. Стасевский достал из кармана половинку детского резинового мячика черного цвета, надел на горевший зеленым огоньком фонарь.

- Для чего это? – сделав недоуменное лицо, спросил Ветров.

– Не могу же я с уважаемого пассажира за проезд сдирать. А с зеленым огоньком первый милиционер остановит.

Вскоре подъехали к управлению. Ветров внутренне сжался: не прозевали бы! И тут же облегченно вздохнул: впереди, на дороге, стоял работник ГАИ. Он поднял жезл. Стасевский чертыхнулся:

- Вот черт, неужели заметил?

Такси приняло вправо. Водитель вышел из машины, быстрым шагом направился к работнику милиции. Ветров последовал за ним. Улыбаясь во весь рот, Стасевский сказал:

- Товарищ лейтенант, я ехал аккуратно, ей-богу, ничего не нарушал.
- К вашему сведению, я не лейтенант, а сержант. Закройте машину на ключ и пройдемте в управление.

«На фонарь внимания не обратил», – с облегчением подумал Стасевский. Вспомнил о пассажире, который стоял рядом и открыто держал в руке коробочки.

– Вы меня подождите у машины, я сейчас, вот только разберемся, здесь какое-то недо-разумение.

- Ничего, ничего, – улыбнулся Ветров. – Вместе и разберемся.

Только после этих слов Стасевский все понял. Опустив голову, двинулся за сержантом. Рядом Ветров.

Они вошли в кабинет, где находился Савич. Ветров по-хозяйски придвинул таксисту стул:

- Присаживайтесь, Стасевский.
- Спасибо, я постою.
- Нет уж, садитесь. Разговор у нас долгий. Вам, конечно, уже ясно, что я работник милиции. Для большей ясности добавляю, что звание у меня майор, а фамилия Ветров. А это – следовательно прокуратуры города Савич.

Стасевский присел на стул, в голове вихрем завертелось:

«За что они меня взяли? Может, пацан, что золотишко сбывал, ляпнул? А может, за халтуру? Нет, не похоже. При чем уголовный розыск, прокуратура?»

Савич, до этого молча рассматривавший серьги и часы, спросил:

- Откуда у вас эти предметы?
- Знакомый попросил продать. Вот я и предложил товарищу.
- Как фамилия знакомого?
- Да я и не знаю... мы так, иногда встречаемся.
- Где встречаетесь?
- Как когда... где придется. Чаще всего он меня сам находит. Я ведь таксист. А где нашего брата искать, как не на стоянках такси?
- Скажите, Стасевский, вы знакомы с Вороновым?
- С Вороновым? Впервые слышу.

– Да, с Вороновым, Олегом Семеновичем, по кличке Шкет?

– Нет, правда, я такого не знаю.

– Хорошо, напомним. Воронов – это тот, кто продал вам золотые часы и серьги. И заметьте, не по одной паре.

Ветров подключился к допросу:

– Заодно объясните, за какие деньги вы приобрели «Волгу»?

– Собрал деньги и купил.

– Это на вашу зарплату?

– Вся семья жила впроголодь!

– А как вы оказались в очереди?

– Как оказался? Пришел в магазин и записался. А когда подошла очередь, получил открытку из магазина. Заплатил деньги и получил машину.

– Сколько лет стояли на очереди?

– Шесть.

В комнату вошел Майский, молча протянул записку. Игорь Николаевич пробежал ее глазами. Майский сообщал, что в доме на Северном поселке проживает двоюродный брат Стасевского – Зверович.

Ветров присел на стул у стола и написал: «Готовьте документы и технику для обыска».

Передал записку Майскому, и тот ушел. Затем майор пододвинул телефон и набрал номер директора таксопарка. Представившись, попросил, чтобы прислали кого-нибудь в управление милиции и забрали машину. Стасевский слышал этот разговор и, как только Ветров положил трубку на место, вскочил со стула:

– Зачем позорите меня на работе? Ведь мне же работать там. Теперь что обо мне подумают?!

– Успокойтесь, Стасевский. Вы сами себя опозорили, дальше уж некуда. Да и заявлять, что вам там работать, опрометчиво. Вряд ли в ближайшем будущем вам будет предоставлена такая возможность. Мы, конечно, прекрасно знали, что вы сразу не станете рассказывать, и поэтому не хотим отнимать время ни у вас, ни у себя.

– Что вам от меня надо?

– Вы хотите знать конкретно, что нам нужно? Ну что ж, давайте по порядку. Итак, первое: где, когда и у кого достали золотые изделия?

– Я же говорил, дал мне их знакомый, который сам меня находил, когда я ему понадоблюсь.

Ветров перебил его:

– Бросьте, Стасевский. Эта сказка не для нас. Оставьте ее для наивных людей. А чтобы у вас не было сомнений, мы напомним, как к вам в дом пришел Олег Воронов и предложил большое количество золотых часов и серег. А вы, в отличие от соседей, были ослеплены блеском золота. Воронов стал частым гостем в вашем доме. Будете говорить правду или нет, мы все равно докажем вашу вину. Кстати, как поживает ваш двоюродный брат Зверович? Или его тоже не знаете? Помочь вспомнить, где хранили ценности?

Ветров не случайно сказал «хранили». Он видел состояние Стасевского. И тонко рассчитал – Стасевский, узнав, что милиции известен Зверович, будет мучиться: изъяли или не изъяли ценности.

– Так что, Петр Станиславович, – спросил Савич, – начнем?

– А что начинать? И так все ясно. Да, я купил у этого пацана, будь он трижды проклят, серьги и часы. Пришел, предложил их. Взыграла цыганская кровь, купил на свою голову. Жаль, что брату наделал неприятностей. Зачем, думал, крутится тот тип у ворот братова дома? Оказывается, вы уже знали, где все хранится. Хорошо, давайте договоримся так. Только без обиды. То, что докажете, признаю. И точка! Поймите, как тяжело цыгану правду говорить.

Савич согласно кивнул головой:

– Хорошо. Сначала мы запишем ваши показания в отношении часов и серег...

Ветров вышел из кабинета, нашел Майского:

– Александр Сергеевич! Возьми одного человека и поезжай к дому Зверовича. Установите наблюдение. Важно, чтобы хозяин не ушел и мы не потеряли время на его поиски. Осипов пусть готовится к выезду на обыск. Связь по радио.

Когда Игорь Николаевич вернулся, Савич заканчивал записывать показания. Дал Стасевскому прочитать протокол допроса, пальцем указал место, где надо расписаться. Затем, отложив в сторону протокол, предложил:

– Ну что, начнем следующее?

Стасевский усмехнулся:

– Только помните наш уговор.

– Хорошо, хорошо, помним.

– Вам знаком Хоревич?

– Что-то не помню, – сказал Стасевский.

– Напомню. Он приехал из мест заключения, чтобы отобрать ценности у Воронова.

– А, этот. Да, знаю. Познакомились недавно. Он засек нашу встречу с Вороновым и потом подкатился ко мне. Стал в друзья набиваться. Но я быстро раскусил и его.

– А где он жил, вам известно?

– Адреса не знаю, но дом и квартиру могу показать. Там его кореш с женой живет. Они вместе срок тянули.

Савич попросил поставить подпись под ответом.

– А как вы машину приобрели?

Лицо Стасевского помрачнело.

– Как приобрел? Как приобрел? Деньги копил. Подошла очередь, и купил. Вот и все.

Ветров улыбнулся:

– Договаривался быть откровенным и сам нарушает уговор. Будьте же хозяином слова. Мы и в этом вопросе постараемся помочь. Скажите, сколько лет ждали?

– Я уже говорил – шесть.

– А как же тогда могло получиться, что вы за четыре года вперед знали, что название улицы, на которой живете, будет изменено?

Стасевский удивленно взглянул на майора.

– В книге какая улица записана? А раньше как она называлась?

Только теперь Стасевский понял, какую ошибку он совершил, но не сдавался:

– Я же мог прийти в магазин и попросить, чтобы изменили название улицы?

– Но не сделали этого. А чтобы вам стало ясно, что упираться не стоит, напомню о гражданине Иванове, которого подвозили домой... Вот почитайте.

Положив перед Стасевским заключение эксперта, Ветров продолжал:

– Здесь ясно сказано, что исправления в журнале внесли лично вы. А вот показания директора и работников магазина. Кстати, чтобы внести изменение, требуется письменное заявление стоящего в очереди. Как видите, и здесь ваша карта бита.

Стасевский неожиданно рассмеялся:

– Ваша взяла! Как в той песне: цыган без лошади, что без крыльев птица. Лошадь я держать не могу, взял машину. Не повезло, возить будут теперь на другой, – оборвав смех, огорченно вздохнул и махнул рукой: – Эх, была не была. Пиши, начальник. Все скажу, терять уже больше нечего! Остались у меня только жена и дети. Их я не воровал. Пиши...

А было так...

Прошло несколько дней после того, как Стасевский подвез одинокого мужчину. Ох и испугался он тогда. Чего доброго, мог и умереть человек в машине. Попадать в милицию, даже в качестве свидетеля, ни к чему. Правда, заплатили ему хорошо, да и сам он не растерялся – с жены больного десятку сорвал.

И вот, проезжая мимо знакомого дома, Стасевский увидел похоронную процессию. Остановил машину, подошел поближе. В гробу лежал его пассажир. Стасевский вспомнил, с какой радостью он говорил, что очередь на «Волгу» подходит. Стасевский и сам давно мучился мыслью купить машину. Особенно после того, как удалось одурачить мальчишку Воронова. Сложно, конечно, реализовать золотишко, но Стасевский быстро приспособился. Продавал по одной-две вещи пассажирам, случайным знакомым. Часто ездил на толкучки, а там можно купить и продать все что угодно. И денег на машину уже хватало. Вся загвоздка – где купить. На очередь, правда, стать можно. Но ждать надо лет десять.

И у Стасевского созрел план. Выждав неделю, он пошел к Ивановым домой. Открывшей дверь знакомой ему женщине сказал, что пришел по просьбе ее мужа помочь выбрать машину. Хозяйка прогнала его. В порыве гнева она крикнула, что ей машина не нужна. А это и хотел выяснить Стасевский. Узнать же фамилию умершего не составляло большого труда.

После этого Стасевский зачастил в магазин «Автомобили». Он разведal, где хранится журнал учета очереди, номер Иванова. Однажды, улучив момент, когда бухгалтер вышла из кабинета, схватил журнал, спрятал под пальто, вышел на улицу. Сидя в машине, вытер принесенной для этой цели резинкой фамилию и адрес Иванова, вписал себя.

Не Асаевич ли?

Марков опять встретил Степана Асаевича. Тот был трезв. Подобострастно улыбаясь, поздоровался:

– Здравия желаю, товарищ старшина! Как поживаете?

– Хорошо, Асаевич, хорошо. Не забыли ли вы, что через двадцать пять минут надо быть дома?

– Нет, что вы. Я хорошо знаю, что такое административный надзор, и нарушать его не буду, тем более что хочется, чтобы побыстрее сняли с меня эти ограничения. Я же, ей-богу, завязал.

– Ну, дай бог, – улыбнулся старшина. Ох, и не нравился же ему этот Асаевич. Нечестный он человек.

Марков не торопясь шел по улицам. У железнодорожного переезда он предотвратил драку извозчика с таксистом, машину которого лягнула лошадь. Потом побеседовал с известной в районе скандалисткой Сильвой. Неприятный был разговор, и старшина долго не мог успокоиться. Часа через два оказался у парка. Марков увидел, как от группы подвыпивших мужчин отделился один и бросился в сторону.

«Не Асаевич ли это? – заподозрил старшина. – Уж больно похож».

На всякий случай зашел в кафе, позвонил в штаб дружины и попросил находившегося там участкового проверить, дома ли Асаевич. Затем Марков направился к кинотеатру, где его должен был ждать напарник.

Розыск продолжается

Со стороны казалось, что разговор идет о чем угодно, только не о преступлении.

– Понимаете, Виктор Алексеевич, рвется и эта ниточка, – жаловался Ветров. – У Стасевского мы изъяли золото, машину. Но продвинуться хотя бы на шаг не удалось. Стасевский не знает, где Хоревич добыл пистолет. Мы точно знаем, что и сам Хоревич к нападению на тир непричастен. Это же можно сказать и о Воронове. Отпали Кранов и Волох. Нет у нас пока и сигналов, заслуживающих внимания.

– А как в отношении связей Хоревича?

– Усиленно работаем. Это у нас пока единственная возможность восстановить ниточку, ведущую к раскрытию преступления. Сегодня утром, например, мне позвонил Лапко, у которого останавливался Хоревич, и сообщил, что к нему приходил какой-то мужчина, интересовался Хоревичем. Лапко посоветовал прийти вечером. Думаю, Виктор Алексеевич, трогать этого человека не стоит. Установим его и попытаемся выяснить связи.

– Лиц, судимых за подобные преступления, отобрали?

– Да, по городу – два человека, по области – три, по республике – восемь. Мы подготовили задания по их проверке. – Ветров положил перед генералом несколько листов бумаги.

Романов прочитал и подписал их. Затем встал, прошелся. Остановился у больших часов в углу кабинета. Долго смотрел на циферблат, думал. Сколько было таких сложных преступлений? Пожалуй, сейчас и не перечесать. И каждое – новая загадка, новый ребус. Попробуй не реши, не раскрой его!

Генерал повернулся к Ветрову:

– Усилили охрану банков, сберкасс?

– Так точно. Кроме того, товарищ генерал, мы проинструктировали руководителей предприятий, организаций и учреждений, чтобы в дни получек кассиров обеспечивали надежной охраной. В городе продолжается патрулирование наших людей, переодетых в гражданскую одежду. Держим под контролем транспорт и другие места возможного появления преступников. Попросили командование воинской части прочесать близлежащие лесные массивы. Основная же надежда на оперативный состав уголовного розыска. А люди, Виктор Алексеевич, работают с полной отдачей сил. Я не сомневаюсь, найдем преступников, где бы они ни были.

Романов улыбнулся:

– Да и я не сомневаюсь, Игорь Николаевич. Только сделать это необходимо скорее, чтобы не дать им совершить новое, может быть еще более тяжкое, преступление. Я хотел бы попросить вас заняться человеком, которого сегодня ожидает Лапко. У вас в личном плане ничего не горит? Как жена, дети?

– Спасибо, Виктор Алексеевич, нормально. Что касается вечерней работы, то это стало привычным. Жена прекрасно знает особенности моей службы. Здесь вопросов нет.

– Это хорошо, когда дома проблем не создают, – улыбнулся генерал. – Когда тылы в порядке, тогда и работать легче. Сегодня приходила жена Судниковского. Жаловалась. И, вы знаете, она во многом права. Кстати, вы с ним работали? Какое мнение о нем?

– Непонятный он человек. Рассуждает, да и говорит вроде правильно, а присмотришься, чужие мысли выдает за свои. Мне кажется, Виктор Алексеевич, не любит он нашу работу.

– Я тоже так думаю, случайный он у нас человек.

– А что жена его?

– Говорит, что в рюмку заглядывает, дома часто не ночует.

Генерал открыл план ежедневной работы и что-то записал, затем вышел из-за стола, подошел к Ветрову, протянул руку:

– Ну, ни пуха.

– К черту, Виктор Алексеевич, – озорно блеснул глазами Ветров.

Он поехал к Лапко. Вечер оказался удачным. И уже к полуночи Ветров сидел в своем кабинете и составлял справку о человеке, который интересовался Хоревичем.

Им оказался... Асаевич. Ветров в который раз поминал старшину Маркова: «Ох и толковый же мужик Михаил Антонович. Как чувствует человека!»

Асаевич действует

Около часу ночи Марков, стоявший в тени, увидел Асаевича. Он неожиданно вынырнул из своего подъезда, на секунду остановился на освещенном уличным фонарем пяточке, затем быстро пошел вдоль улицы. Сегодня на инструктаже Маркову сказали, что Асаевичем интересуется уголовный розыск: с кем встречается, где, когда. Поэтому старшина не стал окликать Асаевича, а решил последить за ним. Долго петляли по темным переулкам, дворам и наконец оказались на улице Калинина. Асаевич вошел в неосвещенный подъезд. Марков выждал и тихонько открыл дверь. Остановился, прислушался. Тихо, темно.

«Где он?» – подумал старшина, прижимаясь спиной к двери. Прошла минута, вторая... Неожиданно послышались голоса. Дверь квартиры, расположенной справа, открылась. Марков отступил к подвалу, спрятался за какие-то предметы. Мимо прошли двое мужчин. Марков по голосу узнал Асаевича. Он в чем-то упрекал собеседника:

– Я же просил тебя сделать это днем, а ты подвел меня.

– А я думал, что ты его не найдешь и дело придется отложить.

– Думал, думал. Я и не нашел. Обойдемся...

Подсвечивая спичками, они не спеша спустились вниз.

Через полминуты послышался лязг металла: за первой дверью была вторая, в бомбоубежище. В нем и скрылись, причем дверь закрыли изнутри на запоры.

Марков остановился, расстроенный и злой. Асаевич что-то замышляет. Но что? Старшина, конечно, мог вызвать помощь. Но не испортишь ли этим дело? Ведь не зря к этому человеку интерес проявляет уголовный розыск. А что, если?..

Старшина поднялся наверх и, выйдя во двор, остановился у небольшого куба. Здесь был аварийный выход из бомбоубежища.

Надо рискнуть! Открыл чугунную решетку, ногой нащупал металлическую скобу. Глубокий колодец вел к лазу. По нему можно продвигаться только ползком. И когда Марков наконец добрался до небольшой металлической двери, ведущей в убежище, пот покрыл лицо. За дверью было тихо, и Марков начал потихоньку, сантиметр за сантиметром, открывать ее. Хорошо, что не скрипит.

Выглянул – пусто. Старшина пролез в дверь и оказался в небольшом помещении. Вправо – коридор, в дальнем его конце свет. Оттуда долетали приглушенные голоса. Марков достал из кобуры пистолет, послал патрон в патронник. На цыпочках двинулся к свету. Слева – небольшое помещение.

– Вынесем во двор, сейчас машина подойдет, – говорил Асаевич.

Старшина осторожно выглянул из-за выступа. Над небольшим сварочным аппаратом склонились Асаевич и незнакомый мужчина.

Где Марков?

Дежурная оперативная группа выбыла на маршрут Маркова: более часа старшина не отвечал по рации. Тщательный поиск ничего не дал. Подключены дополнительные силы, были проводники с собаками. Поиск продолжался. Через равные промежутки времени в эфир посылались позывной Маркова. Старшина молчал, и это всех беспокоило. Марков никогда не оставлял участка патрулирования. А раз это случилось, произошло что-то необычное. Почему старшина не сообщил по рации об изменении обстановки? Видимо, не было возможности. А вдруг совершено нападение? Может, убит, тяжело ранен?

Патрульные с большим усердием прочесывали каждый двор, поднимали крышки колодезцев, проверяли кустарники, осматривали подъезды, подвалы, чердаки.

– Сто сорок первый, сто сорок первый! – несло в эфир.

Старшина Марков молчал...

Я – сто сорок первый

Асаевич поднял аппарат.

– Тяжелый, черт. Бери баллон и выходи следом.

Марков возвратился к люку. Он быстро поднялся наверх, включил радиостанцию:

– Заря, Заря! Я – сто сорок первый!

И тут же услышал голос дежурного по райотделу:

– Сто сорок первый, где вы находитесь?

Старшина попросил прислать помощь к хозяйственному магазину. Оттуда он сможет одновременно вести наблюдение и за двором, куда выйдет Асаевич с напарником, и за машиной. Сейчас главное – упредить преступников.

Минуты казались вечностью. Первыми приехали две патрульные машины. В одной из них был Ветров. Марков доложил обстановку. Ветров приказал водителям стать за углом, а сам вместе с Марковым и четырьмя работниками милиции направился во двор. Укрываясь за густым кустарником, они приблизились почти к подъезду, у которого стоял человек. Марков прошептал:

– Асаевич.

Ветров молча кивнул головой. Ждать пришлось недолго. Послышался шум мотора, и во двор въехала «Волга». Асаевич подскочил к водителю, со злостью прошипел:

– Где тебя черти носят? Не знал, что и подумать!

– Где носят, где носят! Нашпиговал секреток, поди разберись. Два часа возились, еле завели, – огрызнулся тот.

Из машины вышел еще один. Он был низкого роста и настолько толстый, что даже темнота не смогла скрыть этого.

– Что вы базар устроили? Работать надо, а не языки чесать. Где аппаратура?

– В подвале, – ответил Асаевич и направился в подъезд. За ним пошли приехавшие. Ветров подозвал одного из милиционеров.

– Заблокируйте одной машиной выезд со двора. Три человека – ко мне. Вторая машина пусть подойдет к дому...

Работники милиции предотвратили кражу из сейфа предприятия, где накануне не полностью выдана зарплата и большая сумма денег осталась на ночь.

Асаевич рассказывает

Напротив Савича сидел Асаевич. Упереться бессмысленно, и он подробно рассказывал о действиях группы. В кабинет вошел Ветров, стал за спиной следователя, молча прочитал протокол допроса.

– Расскажите, где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Хоревичем? – спросил Савич.

Асаевич от неожиданности вздрогнул.

– С Хоревичем? Он никакого отношения к нам не имеет...

– Вы отвечайте на вопрос, – перебил Ветров.

– Да, я знаю его. Мы с ним познакомились недавно. Он передал мне привет от знакомого, с которым вместе срок тянули. Хоревич просился пожить у меня несколько дней. Но я не смог приютить его, – сами знаете, под административным надзором состою, каждый день ко мне в гости участковый приходит. Хоревич остановился у знакомого по имени Сергей.

– Как его фамилия?

– Не знаю, но могу показать, где он живет.

– Вы были у Сергея?

– Да, несколько дней назад заходил. Сказали, что Хоревича нет дома, и предложили зайти на следующий день. Но его снова не оказалось.

– А с какой целью Хоревич приехал?

– Он мне об этом не говорил. Сказал, что по делу.

– Почему вы о нем спрашивали, для чего он вам нужен?

– Хотел на дело пригласить. Да, видно, он парень везучий. А то сидел бы сейчас в этом кабинете.

– А как часто вы встречались с Хоревичем?

– Раз пять... Он ведь приехал недавно.

– С кем он дружил в городе? – спросил Ветров.

Асаевич ухмыльнулся:

– Что вы меня все о Хоревиче спрашиваете? Обо мне расспрашивайте. Уверяю, он еще не успел нигде выступить.

Помолчал немного, а затем повторил вопрос:

– С кем он дружил, спрашиваете? Есть тут одна подруга... Хоревич с ней встречался... Люсей звать, фамилии не знаю. И где живет...

– А где работает?

– Не знаю, ей-богу, не знаю, – помолчал и, улыбнувшись, спросил: – А что, она вам очень нужна?

– Да, хотелось бы на нее взглянуть, – в тон ему ответил Ветров.

– Помню, случай был такой. Я и Хоревич ездили на барахолку, – он хотел дубленку себе купить. Ничего мы там толкового не нашли. А людей на автобусной остановке, что и до вечера не уедешь. Тогда я предложил пройти вдоль шоссе к пионерскому лагерю «Лесная сказка». Оттуда часто машины ходят, могут подвезти. Только мы дошли до поворота, смотрим, из леса «Волга» выезжает, а в ней двое. Мы – голосовать. Но водитель дал газ, и машина проехала мимо. А Хоревич стоит и смеется: «Люська с кадром по лесу раскатывает. Вот стерва, а мне клялась, что со мной впервые мужу изменила».

– Номер машины заметили?

– Нет, но запомнил, что знак желтый и две первые цифры – 52. Мой знакомый работает на «москвиче», номер которого тоже начинается с этой цифры. Потому и запомнил.

– Больше вы не видели Люсю?

– Нет.

– Скажите, Асаевич, а оружия у Хоревича нет?

Асаевич молчал. Чувствовалось, он что-то знает, но никак не может решить, говорить или нет. Савич решил помочь:

– Мы ведь не зря эти вопросы задаем. Нам кое-что известно, так что не стесняйтесь и давайте уж до конца будем откровенны.

– Да и так всю правду рассказываю. Раз спрашиваете, значит, знаете. Чего уж мне таиться? Да, действительно, видел у него пистолет. Вернее, он сам его показал, и с его слов понял, что Люся имеет к оружию какое-то отношение.

– А почему вы пришли к такому выводу?

– Когда мы увидели ее в «Волге», вернее, после того, Хоревич сказал, что он не питает к Люсе обиды, так как с ее помощью он достал то, что хотел. А когда минут через двадцать достал пистолет и несколько раз выстрелил в дерево, я понял, что он имел в виду.

– А какой системы у него был пистолет?

– Малокалиберной, с обоймой...

Кто такая Люся?

Ровно в девять Майский был в Госавтоинспекции. Часа через полтора в руках он держал три карточки автомашин «Волга», номера которых начинались с цифр 52. А еще через пять минут у него осталась только одна. Именно эта автомашинка имела желтый номерной знак. Ее хозяин – преподаватель одного из институтов Исаев.

Генерал Романов, выслушав доклад Ветрова и Майского, уточнил:

– Есть еще люди, которые видели Исаева с Люсей?

– Нет, Виктор Алексеевич, никого, кроме Асаевича, – ответил Ветров.

– Да это и понятно, не жених же с невестой встречаются. Люся – замужняя женщина. У самого Исаева тоже семья, трое детей, и, естественно, ни ему, ни Люсе демонстрировать привязанность друг к другу нет смысла. И как вы заставите назвать фамилию Люси? Ведь в его возрасте, положении такая связь может оказаться роковой?

Ветров улыбнулся:

– Я уже придумал, Виктор Алексеевич.

– И что?

– Поручил Осипову сфотографировать машину Исаева, причем так, чтобы обязательно четко был виден номерной знак. В ГАИ я запросил пару фотографий мест происшествий, где во время автоаварий были жертвы, а также фотографии трупа, лежавшего на асфальте.

– А для чего все это вам?

– Психологический расчет, Виктор Алексеевич, – улыбнулся майор.

Альберт Григорьевич Исаев

Впервые за эти хлопотливые и напряженные дни у оперативной группы появилась тоненькая ниточка, ведущая к преступникам. Поэтому понятно волнение, охватившее Ветрова и Савича, когда в кабинет с достоинством вошел Исаев. Поочередно глядя на Савича и Ветрова, представился:

– Исаев Альберт Григорьевич, меня вызвал товарищ Савич.

Ветров кивком головы указал на следователя:

– Он перед вами, а я майор Ветров. Присаживайтесь.

Савич выждал, пока Исаев не торопясь устраивался на стуле.

– Мы пригласили вас, товарищ Исаев, по одному вопросу. – Савич раскрыл лежавшую перед ним зеленую папку, и любопытному взору Исаева, как бы случайно, открылось несколько фотографий. На одной из них он увидел свою «Волгу», на другой – лежавший на асфальте труп мужчины. Взяв из папки лист бумаги, следователь закрыл фотографии.

– Вы не помните, когда проезжали по Раковскому шоссе, были ли там автодорожные происшествия?

– Происшествия? На Раковском шоссе?

– Да, на Раковском шоссе. С вами в машине находилась девушка.

После минутного замешательства Исаев, понизив голос, словно боясь, что стены могут его услышать, пробормотал:

– Да, я с Люсей однажды ездил в пионерский лагерь, но никаких происшествий не было...

– Альберт Григорьевич, мы знаем, что у вас никаких происшествий не было. Нас интересует: видели вы происшествие на шоссе?

– Нет, не видели.

– Люся подтвердит, что к происшествию на Раковском шоссе вы непричастны?

– Конечно, конечно. Только, ради бога, не направляйте ей повестку. Я дам ее служебный телефон.

Супруги разные бывают

Мария Ивановна и Василий Романович Левитановы считали себя интеллигентными людьми. Он преподавал в институте, она аккомпанировала в школе художественной гимнастики. У них была дочь – Люсьен. Василий Романович и его супруга больше детей не хотели. Свое любимое чадо они окружили теплом и заботой. Люсенька росла капризной, взбалмошной. Такой осталась и в более зрелом возрасте. В свои двадцать четыре года она уже дважды выходила замуж. И оба раза неудачно. Это, конечно, сказывалось на нервном состоянии родителей, и они часто ссорились. Нет, не подумайте, что у них происходили семейные сцены с громом и молниями. Василий Романович и Мария Ивановна обращались друг к другу на «вы» и только по имени и отчеству.

– А вы кто, дорогая Мария Ивановна? Вы же сами крокодил, причем стали такой после того, как съездили в Сочи.

– От вас, уважаемый Василий Романович, я готова хоть на край света идти. Только теперь поняла, что я натворила, когда вышла за вас замуж. Я была такая дура! Такая дура!

– Не огорчайтесь, милейшая, вы очень хорошо сохранились...

Неизвестно, чем бы кончилась эта, ставшая обычной, сцена, если бы в прихожей не раздался звонок.

– Извините, – бросил Василий Романович и направился открывать дверь. В квартиру вошел молодой человек в милицеской форме.

– Лейтенант Осипов, – представился он, – проверка соблюдения правил прописки. Предъявите, пожалуйста, паспорта.

– Паспорта? – удивился Василий Романович. – Чьи, наши?

– Естественно, ваши.

– А что случилось?

– Проверка паспортного режима. Кстати, я побывал у ваших соседей. Они не удивлялись. Не понимаю, почему вас это обеспокоило. Может, квартирантов без прописки держите? Или паспорта просрочены?

– Нет, нет, что вы! – заволновалась Мария Ивановна и пригласила лейтенанта пройти в зал.

Осипов присел у журнального столика в мягкое, удобное кресло и, пока хозяйка доставала из ящика серванта паспорта, осматривал комнату. Перед ним стояла задача: выяснить, где проживает их дочь, прописанная у родителей. А заодно установить ее новую фамилию, потому что Люся не меняла паспорта.

Шатилов молчит

Ветров анализировал полученные за последние дни сведения. Он только что возвратился из больницы, где лежит Шатилов. Старик хотя и пришел в сознание, но совершенно ничего не помнил. Врачи объясняют это тяжелой черепно-мозговой травмой. Рассчитывать на показания охранника нет смысла.

«Ну что ж, – думал майор, – Левитанова, если верить Асаевичу, подарила один из похищенных пистолетов Хоревичу. Маловероятно, что она принимала участие в нападении на Шатилова. Значит, нужно проследить ее связи. Допрашивать рано».

В кабинет заглянул Осипов:

– Я прибыл, товарищ майор!

– Очень хорошо. Рассказывай. Впрочем, погоди. Позови, пожалуйста, Майского, пусть и он послушает.

Осипов направился за Майским. Вошел к нему и расхохотался. Майский сидел за столом и возился с авторучкой. Лицо измазано чернилами.

– Чего ты ржешь?.. Ну, посмейся, посмейся. Кстати, тебе это на пользу. Давай лечи живот.

Упоминание о животе прервало смех Осипова. Накануне он что-то съел несвежее и вот уже третий день мучился. С серьезным лицом сказал:

– Иди умойся – все лицо в чернилах. И заходи к Ветрову.

Осипов выяснил, что Люся работает в одной из районных центральных сберегательных касс. Но ему ничего не удалось узнать о ее муже – Петре Логацком. По словам родителей Люси, он где-то работает, но где и кем, не знают.

Ветров был краток. Поочередно поглядывая на сидевших напротив Осипова и Майского, ставил задачу:

– Выясните, кто у нее муж, с кем они дружат. Имейте в виду: живут они плохо, и у каждого могут быть секреты. Где они находились в момент кражи из магазина и нападения на Шатилова? Будьте осторожны. Все ясно?

Супруги Логацкие

Супруги Логацкие жили в двухкомнатной кооперативной квартире. Левитановы начали строить ее для дочери, когда та впервые вышла замуж. Вселилась же Люся со вторым супругом. Первый ушел сам после того, как уличил жену в неверности. Люся не очень печалилась, тем более что муж оставил ей на память не один лиловый синяк. Развод был оформлен быстро: имущественных претензий не было и дело до суда не дошло. А буквально через месяц Люся познакомилась с Петром Логацким, который только что вернулся из мест лишения свободы. Она поняла, что обманывать тупого и малограмотного Логацкого ей будет легче, чем прежнего мужа. Ну а то, что Петр, несмотря на молодой возраст, имел темное прошлое, ее не смущало. Логацкого Люся тоже устраивала: во-первых, можно пожить за счет ее родителей, а во-вторых, использовать как ширму. Ведь он не собирается рвать со своими друзьями.

Когда был построен кооперативный дом, Логацкие переселились в новую квартиру. Родители Люси купили мебель. Жизнь пошла своим чередом. Петр поступил слесарем на завод, затем перешел на другой. Но и там не стали терпеть его прогулов и пьянок. Через два месяца уволился и устроился электриком на небольшую фабрику.

Квартиру Логацких посещали только друзья Петра. Люсины не приходили. Петр часто устраивал попойки, Люся не отказывалась выпить рюмку-другую. Петр почти никогда не интересовался, где и с кем бывает его жена. Если и спрашивал, то довольствовался ее ссылками на многочисленных подруг.

Вскоре в квартире стали появляться какие-то темные личности, иногда оставались на ночь. Они подолгу шептались с мужем, и у того после их ухода появлялись деньги. Петр получал мало, да и то пропивал. Люсю это не беспокоило. Родители ей всегда давали деньги. Правда, последнее время делали это тайком друг от друга. Люся понимала, что отец с матерью, и до этого плохо жившие между собой, в последние годы постоянно ссорились и каждый хотел перетянуть ее на свою сторону. Ей было приятно получать подарки и от давнего друга отца – Альберта Григорьевича. Знаки внимания, которые он оказывал Люсе, сменились тайными ухаживаниями. Люся не отвергала их. Ну а что у него жена и трое детей, в расчет не принималось. «Сейчас время такое, – Люся оправдывала себя. – Быть верным одному человеку – старо!»

В первые месяцы совместной жизни Петр часто заходил за Люсей на работу, и они шли в ресторан или парк. Но в последнее время муж охладил к ней. Находясь под хмельком, ругался, а однажды пытался ударить. Люся рассказала о своей жизни родителям, и те начали подыскивать нового зятя, считая, что Люся ошиблась и второй раз.

Петр, узнав о встречах Люси с Альбертом Григорьевичем, не стремился к нормализации семейных отношений. Но выпивки в квартире стали устраиваться чаще. Порой Петр надолго исчезал из дому.

Пикник

Осипов и Майский увидели Логацкого, когда тот вышел из своего подъезда и направился в сторону рынка. Соблюдая дистанцию, двинулись следом.

Странный этот базар. Торгуют кроликами и прочей живностью. Особую группу составляют молодые парни, торгующие голубями. Держатся они особняком. К ним-то и подошел Логацкий. Со многими поздоровался за руку и сразу же оказался в центре внимания. Послышались выкрики, смех.

Майский кивнул Осипову, и тот не торопясь приблизился к голубятникам. Логацкий, не стесняясь в выражениях, рассказывал, как он вчера вместе с Котом и Герой провел вечер. Осипов был примерно одного возраста со всеми, и на него не обращали внимания. Здесь собирались голубятники чуть ли не со всего города, и запомнить каждого в лицо было трудно. Вдруг Логацкий прервал рассказ и громко спросил:

– Махно никто не видел?

Махно сегодня на базаре не был, и Логацкий, как-то сразу потерявший интерес к присутствующим, пошел к остановке. Подходил трамвай, и Майский, на случай если Логацкий вздумает уехать, подошел поближе. Когда посадка закончилась и трамвай вот-вот должен был тронуться, Логацкий подбежал к заднему вагону. Майский еле успел вскочить следом.

Осипов остался на остановке. Вид у него был такой растерянный, что Майский чуть не расхохотался. Они не предусмотрели такого поворота дела.

Логацкий доехал до кинотеатра «Мир», вышел из трамвая, наискосок пересек улицу. Остановился у входа в баню, посмотрел на часы. Майский тоже: без пяти одиннадцать.

К Логацкому подошел высокий, худой, как жердь, мужчина (на вид ему можно было дать лет сорок), тепло поздоровался.

Майский укрылся в подъезде большого дома. Он хорошо видел обоих, но разговора не слышал. Оперативник мысленно назвал длинного Буслом.

Поговорили минут пять и пошли в гастроном. Купили три бутылки водки, две вина, колбасы, сыра, хлеба и с полной сеткой, которую достал из кармана Бусел, направились к проспекту.

На улицах было много людей, и Майский неотступно следовал за Логацким и Буслом. Минули Ботанический сад, парк, обсерваторию... На углу следующей улицы их встретили две девушки. Весело болтая, все пошли вдоль шоссе к кладбищу.

Майский шел в пятнадцати – двадцати метрах, изучал девушек. Приметы дружка Логацкого он уже хорошо запомнил. Могло ведь случиться, что компания уедет на машине и только его память поможет установить этих девчат. Среднего роста, в коротких платьях, одна в цветном, другая в голубом.

Прошли кладбище, повернули налево и прямо через поле направились к лесу, примыкающему к окружной дороге. Майский понимал, что идти по голому лугу опасно: могут заметить. Остановился на обочине. Что делать? Решение пришло быстро. Недалеко находится запра-вочная автостанция. Майский бросился туда. Так и есть, машин много. Подбежал к «Волге» с шашечками на борту. Открыв дверцу, сел рядом с водителем и протянул удостоверение:

– Я из уголовного розыска. Подбросьте, пожалуйста, по кольцевой. Километра два...

Водитель, седоволосый мужчина, включил зажигание:

– Раз уголовный розыск просит, значит, важное дело.

Машина, набирая скорость, выехала на кольцевую дорогу.

– Здесь, пожалуйста, остановитесь.

Водитель затормозил. Майский бросился в лес и минут через пять выскочил на противоположную опушку. Осторожно выглянул из-за куста.

– Порядок! – удовлетворенно хмыкнул.

Компания медленно входила в лес. Майскому не составляло труда скрытно следить за ней. По тому, как уверенно вел своих друзей Логацкий, лейтенант понял, что здесь он бывал неоднократно. Устроились в тени густых елей. Чувствовалось, что сюда они пришли надолго.

Майский взглянул на часы: половина первого. Надо связаться со своими. Эти никуда не денутся. И он быстро двинулся к шоссе. Остановился на раскаленном от полуденного солнца асфальте. Из-за поворота выскочил «москвич». Майский поднял руку, и машина остановилась.

– Здравствуйте, вы в город?

Сидевший за рулем мужчина лет тридцати ответил:

– Добрый день. Да, в город.

– Можно с вами до поста ГАИ доехать?

– Пожалуйста, хоть и до города.

Через несколько минут машина, сделав петлю, вышла на Московское шоссе... Майский, поблагодарив водителя, по винтовой лестнице взбежал наверх. В маленьком, похожем на стеклянный куб помещении одиноко сидел сержант милиции. Он строго взглянул на вошедшего.

– Здравствуйте. Я из уголовного розыска, – упредил его Майский и протянул сержанту удостоверение. – Можно телефоном воспользоваться?

– Пожалуйста. Черный – городской.

Майский набрал номер Ветрова. Вот в трубке щелкнуло и послышался голос майора. Майский сообщил ему обо всем. Ветров, подумав, предложил:

– Судя по всему, они там будут долго. Спешить не будем. Возвращайся и продолжай наблюдение. В шестнадцать ноль-ноль жди на кольцевой.

Положив трубку, Майский обратился к сержанту:

– Остановите, пожалуйста, попутную машину. Мне здесь недалеко, километра два.

– А зачем попутную? Я вас на мотоцикле с ветерком подброшу.

– Это еще лучше.

...После рева мотора и свиста ветра в лесу было необычно тихо... Хотелось растянуться на сочной траве, отдохнуть. Но нельзя. Надо работать. Майский быстрыми шагами направился к поляне. Там все было по-прежнему, если не считать, что компания уже сильно подвыпила. Мужчины и девушки сидели вокруг газет, на которой лежала закуска, стояли бутылки. В этот момент все держали в руках стаканы с водкой.

Майского передернуло: «В такую жару водку стаканами, с ума сойти можно!»

Тост поднимал Логацкий. Он положил левую руку на оголенное бедро сидевшей рядом девушки, заплетающимся языком говорил:

– Я предлагаю выпить за свободную любовь! Только такая любовь может раскрыть перед нами все прелести жизни. Я, может, хочу сегодня быть с одной, а завтра – с другой. И кто мне может помешать?

– Никто! – поддержала его сидевшая рядом подруга.

– Вот я и предлагаю тост за свободную любовь! Настоящую!

Все выпили до дна. Поднялся Бусел и протянул руку подруге:

– Пойдем прогуляемся!

И они направились... прямо на Майского. Лейтенант еле ускользнул, сидя за густым кустом, чертыхался: «Черт возьми, могут и на меня наткнуться». Решил не искушать судьбу и отойти подальше. Все равно никуда не денутся, будут здесь долго.

Александр отошел к опушке леса, снял рубашку, с удовольствием лег на траву. Кругом ни души. Через поле на взгорке виднелось кладбище. Оттуда доносилась траурная музыка...

Вспомнилась зимняя морозная ночь. Тогда Майскому впервые попало сначала от Ветрова, а затем от генерала. И поделом. Александр входил в группу по розыску мужчины, убившего жену. Трое суток оперативники не могли поймать преступника. Майский в беседе с сосе-

дями выяснил, что убийца верил в Бога. Значит, преступник может прийти к могиле жены. Никому не сказав ни слова, Майский ночью пошел на кладбище. Сейчас, лежа на теплой, покрытой травой земле, трудно представить себе жгучий ночной мороз. Майский стоял тогда у дерева, расположенного невдалеке от могилы. Было жутко, и Александр поминутно оглядывался по сторонам.

Около трех часов ночи мороз стал невыносимым. Пробежаться бы, помахать руками. Но нельзя. Неожиданно совсем рядом что-то треснуло. Александр вздрогнул, лоб покрылся испариной. И только спустя несколько секунд понял, что это от мороза треснуло дерево.

Время шло, Александр начал сомневаться в исходе этой самовольно затеянной операции. Хотел уйти – и тут между могилами мелькнула тень. Показалось?! Нет, при свете луны увидел человека, который медленно, часто останавливаясь, приближался к свежей могиле. Майский, прижимаясь спиной к дереву, подвинулся чуть вправо и оказался в тени.

Луна хорошо освещала подошедшего. Вот он наклонился к могиле, что-то бормоча под нос. Майский знал, что убийца вооружен обрезом, и по оттопыренному пальто понял, что оружие при нем.

Майский тихонько снял курок с предохранителя и, держа пистолет в правой руке, стараясь не дышать, подкрадывался к преступнику. Оставалось десять... семь... три... метра. Достаточно. Майский негромко приказал:

– Руки вверх! Не двигаться!

Мужчина, как ужаленный, выпрямился, медленно поднял руки. Майский старался не выдать волнения:

– При первой попытке к бегству буду стрелять без предупреждения. К выходу шагом марш!

Преступник шел впереди. В трех метрах от него, с пистолетом в руке – Майский. Когда вышли на аллею, лейтенант разрешил опустить руки и держать их за спиной. На шоссе, ведущем к городу, снова заставил поднять руки. Расчет был прост: любой водитель или встречный, увидев их, обязательно остановится. Но ни одной машины не появилось. Так и пришли они в отдел милиции: один – с поднятыми руками, второй – в трех метрах сзади с пистолетом в руке.

Как радовался тогда Майский! Придя домой, он не мог спать. Один задержал опасного вооруженного преступника. Еле дождался утра! И каково же было его удивление, когда Ветров, сдержанно похвалив за смекалку, резко отчитал за то, что он пошел на кладбище один, то же сказал и генерал Романов. Сначала Майский обиделся, но когда был объявлен приказ по управлению о его поощрении, понял, что так рисковать он не имел права.

После того случая прошло немного времени, а как изменились поведение и характер Майского! Он стал зрелым оперативником...

«Пойду-ка посмотрю, как там у них», – решил Майский. Приблизился к поляне, осторожно выглянул. Под одним кустом, обняв подругу, спал Логацкий, под другим растянулся Бусел со второй девицей.

Майский направился к шоссе. Стрелки часов приближались к шестнадцати. Вышел из лесу и сразу увидел своих. Они приехали на микроавтобусе. Водитель ковырялся в моторе, а четверо, среди них Ветров и Осипов, как и положено пассажирам, сидели на траве. Ветров, увидев Майского, направился к нему.

– Все в порядке, товарищ майор. Спят, намаялись, бедные. Знаете, как трудно пить водку в такую жару?

Ветров возвратился к машине.

– Хватит, Миша, ремонтом заниматься. Езжай на пост ГАИ, – и, повернувшись к Майскому, предложил: – Давай, Сусанин, веди!

– Знаешь, как я переволновался, когда ты один уехал? – шепнул Осипов, когда вошли в лес. – Хотел за трамваем бежать.

– А чего волноваться? Что, я в пустыне остался? Вокруг же люди.

На полянке – без изменений. Ветров, оставив одного работника милиции наблюдателем, остальных отвел к тому месту, где только что лежал Майский. Здесь можно было говорить.

– Наша цель – установить фамилии девушек, друга Логацкого. Будем вести за ними только наблюдение. Придется каждого провожать до дому. Но чтобы они не видели вас в лицо. Задача ясна?

Все закивали головами.

– Вот и хорошо, – сказал Ветров и, бросив взгляд в сторону кладбища, неожиданно рассмеялся: – Майский, припоминаешь святое место?

– Да, – смутился лейтенант. – Когда лежал здесь, ожидая вас, вспоминал.

Осипов и Лукашик заулыбались: им этот случай рассказывали на занятиях. Ветров, который был сегодня в хорошем настроении, делал вид, что не замечает смущения молодого оперативника.

– Да, попало тогда нашему Александру на орехи, – помолчал и, как-то сразу сделавшись серьезным, продолжал: – В нашей жизни бывает так, что единственная ошибка может стать и последней. Об этом, по-моему, нужно помнить каждому, особенно молодым. Нельзя быть беспечным. Ведь мы еще сами не знаем, с чем и с кем придется встретиться. А что они на все способны, свидетельствуют эти дерзкие нападения на магазин и тир. – И неожиданно изменил тему разговора: – Ну а к кладбищам я еще с детства питаю неприязнь.

– А у кого они могут вызывать любовь? – улыбнулся Осипов.

– Это так, – согласно кивнул Ветров и лег рядом с Майским. – Хорошо! А ведь как не хватает нашему брату вот таких, хотя бы нескольких, часов бездействия, чтобы притронуться к матушке-природе, отвлечься!

– Как вы думаете, Игорь Николаевич, сколько еще людям придется бороться с преступностью? – спросил Майский.

– Сколько, спрашиваешь? К сожалению, долго. Ты это не хуже меня знаешь. Но уже сегодня мы с тобой можем сказать, что преступники, да и характер преступлений, меняются. Сейчас другая перед нами стоит задача – не только вылавливать воров, призывать к порядку хулиганов, но и быть воспитателями. А это ничуть не легче.

Ветров повернулся к Осипову:

– Смени Лаврова, – как бы он там, глядя на спящих, сам не уснул.

Майский проводил взглядом друга, повернулся к Ветрову:

– Игорь Николаевич, вы сказали, что с детства питаете к кладбищам неприязнь. У вас, наверное, случай какой-то был?

Ветров задумчиво посмотрел в сторону кладбища.

– Да, ты прав, был у меня в детстве неприятный случай. Сам знаешь, как надолго остается в памяти увиденное в таком возрасте.

– Расскажите, Игорь Николаевич.

– Ну что ж. Это было во время войны. Как только освободили нашу деревню, отец сразу же возвратился домой из партизанского отряда. Был он без ноги, и в армию его не взяли. Избрали председателем колхоза. Отец днями и ночами мотался по деревням. Часто и меня брал с собой. Я у него как оруженосец был, офицерскую сумку с документами таскал. Однажды ночью, это уже осенью было, мы пешком возвращались из соседней деревни. Шел холодный проливной дождь. Отец решил сократить путь и повел через кладбище. Узкая, скользкая от дождя тропинка змейкой извивалась между могилами. Страх на меня напал. Иду за отцом, а голова как на шарнирах вертится. Ничего не видно. Отец, чертыхаясь, опирался на палку, почти на ощупь вел меня вперед. Дошли до середины кладбища, как вдруг послышался хрип. Я знал, что впереди должна быть небольшая канава, и говорю отцу:

«Папа, кто-то в канаве лежит».

А он мне в ответ:

«Наверное, пьяный завалился и спит. Ишь ты, как захрапел».

Сделали мы еще пару шагов. Хрип доносился прямо из-под ног. Я потихоньку спустился в канаву. Отец чиркнул спичкой. Желтоватое пламя на миг осветило лежавшего и тут же погасло. А я стоял и расширенными от ужаса глазами смотрел в темноту, где только что видел лежавшего на дне канавы бригадира колхоза Ивана Недельку. Из перерезанного горла фонтаном хлестала кровь. Хотел закричать, но не мог: немо открывал и закрывал рот.

Еле домой добрались. Сообщили в милицию. Через несколько дней нашли преступников. Ими оказались два брата, которые, боясь, что Неделько сообщит об их сотрудничестве с фашистами, подстерегли его ночью и убили. С тех пор много воды утекло, да и чужих смертей видел немало, но как на кладбище попадаю, сразу в памяти та картина всплывает.

Ветров задумался. Молчали и Майский с Лукашиком. Каждый думал о чем-то своем.

– Товарищ майор, – обратился к Ветрову подошедший Осипов. – Они проснулись. Снова пьют.

– Пусть пьют. Возьмите Лукашика и продолжайте наблюдение. Я и Майский перейдем к шоссе. По всей вероятности, в город будут возвращаться тем же путем. Как бы на нас здесь не наткнулись. Связь по радио. Когда они тронутся с поляны, проводите до опушки и возвращайтесь к шоссе. На машине мы их легко догоним.

Осипов и Лукашик исчезли в лесу. Майский с сожалением произнес:

– Целый день потеряли. Я думал, что Логацкий хоть похвастает перед подругами оружием, а они только в любовь играют.

– Ничего, не жалею, лейтенант. Нам сейчас знать о Логацком и его друзьях все нужно. Так что, считай, не зря день прошел.

...Только через час Осипов подал сигнал. Как и предполагал Ветров, компания тем же путем возвращалась в город.

На углу первой улицы девушки попрощались и повернули направо. За ними направились Осипов и Лукашик. Мужчины сели в автобус, который шел к центру города. На площади Победы долговязый вышел, а Логацкий поехал дальше. Майский выскочил из машины и, соблюдая осторожность, направился вслед за Буслом к парку. Оказалось, что тот живет в одном доме с Асаевичем. Это сильно удивило Майского. Он запомнил номер квартиры, в которую вошел Бусел.

Через несколько минут Александр с удивлением читал в домовой книге, которую попросил у управляющего, фамилию – Бусел Леонид Владимирович. Вот так дал кличку!

На следующий день Романов собрал оперативную группу. Докладывал Ветров:

– Как установлено, вчерашними собутыльниками Логацкого были: Бусел Леонид Владимирович, тридцати пяти лет, ранее дважды судимый, первый раз за кражу из магазина, второй – за нападение на инкассатора банка. Этот человек, несомненно, представляет для нас большой интерес. Девушки – Жигальцова Анна Петровна и Балашова Ирина Михайловна, сборщицы завода. Они проживают в одном доме и дружат.

– Кто у них родители?

– Устанавливаем, товарищ генерал.

– За Буслом наблюдение ведется?

– Так точно!

– А людей, которых Логацкий по кличке на базаре называл, установили?

– Еще нет, я поручил это Лукашику.

Генерал молча кивнул головой и углубился в записи, которые делал по ходу совещания. Потом, повернувшись к Савичу, спросил:

– Владимир Николаевич, Асаевич во время допросов никогда не называл Бусла?

– Нет, о нем не говорил.

– Я вас попрошу, товарищ Ветров, съездите в следственный изолятор и побеседуйте с Асаевичем. Он более или менее правду говорит. Может, что-нибудь ценное и о Бусле скажет. – Повернувшись к Майскому, с улыбкой спросил: – Так, говорите, его фамилию сразу узнали?

Все заулыбались. А Майский, чувствуя настроение генерала, в тон ему ответил:

– Я его, товарищ генерал, насквозь увидел.

Рынок

Лукашик, толкаясь в толпе голубятников, старался быть поближе к тем, чей вид говорил, что они интересуются не только голубями. Кое у кого под рубашкой или пиджаком припрятаны и другие товары. Разговорился с молодым парнем, Васей. Был он на рынке завсегдатаем. Многие подходили к нему, здоровались, обменивались короткими фразами. Находясь рядом с Василием, Лукашик мог быть зачислен в «свои». А это дало возможность познакомиться с другими голубятниками и выяснить, кто из них Гера, Кот и Махно.

Имеющий кличку – имеет и фамилию

Ветров изучал выписки из дел друзей Логацкого, которые имелись в архиве уголовного розыска. Вот справка на человека по кличке Гера. «Интересно, кто же он?» – и вслух прочитал:

– Герцович Николай Иванович, 1940 года рождения, ранее судим за кражи из сейфа райпищеторга, а затем за грабеж. В прошлом году развелся с женой. В настоящее время проживает в доме, принадлежащем родителям. Не работает.

Сидящий у стола Майский протянул майору вторую справку.

– Гражданином под кличкой Кот является Костылецкий Ростислав Францевич, 1941 года рождения, женат, имеет двоих детей.

Ветров взял третью бумажку:

– Махно – он же Черепнин Василий Игнатьевич, прибыл в город в октябре прошлого года. До этого проживал в Гомеле. Отбывал срок наказания за ограбление граждан. В местах лишения свободы находился совместно с Буслом и Логацким. Проживает на квартире в частном доме. – Ветров повернулся к Майскому:

– Что они делали сегодня?

– До шестнадцати ноль-ноль каждый занимался своими делами. Затем Бусел, Логацкий и Черепнин встретились недалеко от сберкасс, где работает жена Логацкого, и на протяжении двух часов наблюдали.

– Не заходили?

– Нет.

– Жена Логацкого работала?

– Да, Игорь Николаевич. Но странно, что Логацкий не подошел к ней, когда она после работы появилась на улице, а вместе с друзьями дворами направился к проспекту.

– Кто вел за ними наблюдение?

– За Буслом – я, Осипов – за Черепниным, а с Логацким работал Лукашик.

– Они не заметили вас?

– Нет. Все прошло нормально.

– Где они сейчас находятся?

– Бусла я довел до дома. Он сегодня наверняка никуда не пойдет, потому что накануне распил с друзьями на пустыре несколько бутылок водки и домой едва приплелся. Будет долго спать. О Логацком Лукашик недавно звонил. Наверное, остался на вторую смену, так как с фабрики не вышел. Лукашик проверил квартиру, но и там его нет.

– Хорошо. Продолжайте наблюдение, а я уточню, не имел ли кто-нибудь из этой компании доступа к тире или магазину.

– Игорь Николаевич, а если сделать у них обыск?

– Нельзя. Во-первых, маловероятно, что оружие спрятано дома. Во-вторых, какие у нас улики против них? Никаких. Так что давай пока наблюдать, а заодно и замысел их разгадывать. Чует мое сердце, не зря они на сберкассу со стороны любуются. Мы с Савичем попробуем Асаевича расшевелить. Может, что и скажет о Бусле. Кстати, где Осипов?

– Он следит за Черепниным. Недавно звонил дежурному, сказал, что находится в районе мельничного комбината.

– Там трудно вести наблюдение. Частный сектор, людей ходит мало. Попроси, пожалуйста, ко мне капитана Сикорского, я направлю его к Осипову.

Майский вышел из кабинета и через несколько минут возвратился вместе с Сикорским. Ветров тщательно проинструктировал капитана и на прощание сказал:

– Передайте Осипову, чтобы был осторожен.

Майор направился в кабинет Савича. Через несколько минут они вышли во двор, и вскоре милицейский газик доставил их к следственному изолятору. Прошли в кабинет, стали ждать, пока приведут Асаевича. Савич, устроившись у стола и доставая из папки бланк протокола допроса, спросил:

– Как думаешь, Игорь Николаевич, почему Асаевич нам ничего не сказал о Бусле?

– Сам об этом думаю.

Асаевича ввел молоденький сержант. Савич кивнул на прикрепленный к полу табурет:

– Садитесь, Асаевич.

– Спасибо, уже сел, причем, чувствую, надолго.

– Тогда присаживайтесь, – предложил следователь. – А сколько вам сидеть – суд решит, но, думаю, гораздо меньше, чем если бы мы не помешали вам довести дело до конца. Так что, Степан Михайлович, вы нам в какой-то мере должны быть благодарны.

Асаевич улыбнулся и, присаживаясь, сказал:

– Послушаешь вас, так можно подумать, что уголовный розыск спас меня.

Савич перешел к делу.

– Скажите, Асаевич, почему вы нам ничего не сказали о Бусле?

Асаевич растерялся:

– О Бусле? А что я мог сказать? Он, по-моему, к вам никакого отношения не имеет.

– Скажите, фамилии Логацкий, Костылецкий, Герцович вам знакомы?

– Нет, даже не слышал.

– Как вы думаете, Бусел знаком был с Хоревичем?

– Этого не знаю.

Савич остался записывать показания Асаевича, а Ветров поехал в больницу. Дела у Шатилова были по-прежнему плохи, и майору ничего не оставалось, как ехать к себе.

Тревожные мысли беспокоили его. «Уже который день, – думал он, – стараемся раскрыть преступление, а толку все нет. Если верить Асаевичу, то Бусел не знал Хоревича. И в то же время Хоревич хорошо знал жену Логацкого. Если правда, что она дала ему один из похищенных пистолетов, то знал очень хорошо. Сам же Асаевич знаком и с Хоревичем, и с Буслом. Не слишком ли много случайностей? Хотят сбить нас с толку? Тогда кто? Не выпустить бы из поля зрения кого».

Осипов пропал

Машина остановилась у здания управления. Стоявший у входа Сикорский бросился к майору:

– Игорь Николаевич, уже больше часа не отвечает Осипов.

– А где вы с ним расстались?

– На улице Андреевской. Там Черепнин встретился с каким-то мужчиной. Сорок минут разговаривали, а затем разошлись. Я пошел за Черепниным, Осипов – за мужчиной. Я несколько раз связывался с ним. Последний раз он сообщил, что находится на улице Коллективной, и попросил его не вызывать. Когда понадобится, выйдет на связь сам. Я провел Черепнина до дома, там и смена меня нашла. Вместе вызывали Осипова. Не отвечает. Наверное, выключил рацию.

Ветров нахмурился:

– Ничего не скажешь, дисциплина. Напишите рапорт, дайте приметы человека, которого он повел.

Ветров доложил заместителю начальника управления Матвееву об Осипове. Полковник распорядился направить в район Коллективной группу для розыска лейтенанта. Радист каждые десять минут выходил в эфир... Осипов не отвечал.

Что с Осиповым?

Ветров забежал домой. Пока жена готовила ужин, занимался с сыном и дочерью. Как мало у него было времени!

Жена, предоставляя ему возможность хоть немного отдохнуть, не торопилась приглашать к столу. Она включила телевизор. Шел концерт с участием Людмилы Зыкиной. Игорь Николаевич благодарно улыбнулся жене. Он любил песни. Плотнo сжав губы, неотрывно смотрел на артистку. Казалось, что, кроме песни, в этот миг для него ничего не существует. Дочь, взбравшись папке на руки, крепко обхватила ручонками шею, лепетала о чем-то своем, важном и радостном. Игорь Николаевич что-то отвечал ей. Но мысли его были далеко. Мучила неясная тревога.

«Что это со мной? – подумал. – Может, не сделал что?»

И вдруг понял: Осипов! Он не выходил из головы. Взглянул на часы – десять.

Быстро поел и вышел из квартиры.

Черепнин молчит

Матвеев был у себя. По его лицу Ветров видел – полковник озабочен и встревожен.

– Анатолий Семенович, а что, если нам поговорить с Черепниным?

– Я уже сам об этом думал. Но под каким предлогом?

– Думаю воспользоваться тем, что он бывает на базаре. Интересуемся, мол, кражей голубей прошлой ночью. Попытаемся выяснить, где он был сегодня и с кем встречался. Заодно убедимся, насколько охотно он назовет нам того человека.

– Так-то оно так, но если случилось что с Осиповым, то поймет, что мы интересуемся им не из-за голубей. А это повлечет ответные меры, которые еще больше осложнят нашу задачу. Но делать нечего. Пропал оперативник, и мы должны использовать любую возможность для его розыска. – Матвеев потер виски. – Чует мое сердце, ей-богу, чует, неладно с Осиповым. А! – полковник махнул рукой. – Дайте команду райотделу доставить сюда Черепнина.

Прошел час. Велся усиленный розыск Осипова.

Наконец привезли Черепнина. Не здороваясь и не спуская с полковника и Ветрова глаз, остановился у двери. Матвеев пригласил его присаживаться.

– Что вы хмурый такой?

– А чего здесь веселиться? Если милиция в полночь поднимает с постели, добра не жди. Только за что?

– Скажите, вы голубей держите?

– Я? Голубей? Нет, что вы, товарищ начальник.

– А с какой целью ходили на рынок?

– Я? – Черепнин несколько смутился. – Просто так. Друзей встретить, поболтать. А что, нельзя?

– Нет, почему же, можно. А голубями вы не торгуете?

– Нет.

– Дома у вас нет голубей?

– Нет. Можете проверить.

– Расскажите, чем вы сегодня занимались, где были, с кем встречались на улице Андреевской?

Вопрос застал Черепнина врасплох.

– На улице Андреевской? А, встретил незнакомого. Он спросил, как пройти на улицу Смоленскую. Я объяснил ему, и мы разошлись.

– Черепнин, вы, случайно, не путаете? Ведь для того, чтобы объяснить, как пройти с улицы Андреевской к Смоленской, сорок минут не потребуется. А ведь ровно столько вы разговаривали. Сочинять не нужно, Черепнин.

– А что сочинять? Я правду сказал. Не знаю я этого человека. И все. Поговорили и разошлись.

Сколько ни старались Матвеев и Ветров, Черепнин стоял на своем.

В западне

Осипов старался держаться поближе к незнакомцу. Дважды, желая услышать, о чем тот говорит со встретившимися людьми, подходил почти вплотную. Конечно, этого делать нельзя. Но Осипов чувствовал, что незнакомец его не видит. Раздражала рация, которая изредка попискивала в кармане, – вызывал Сикорский. Чего он волнуется? Связался с Сикорским, сообщил свое местонахождение и попросил больше не вызывать. «Когда надо, сам выйду на связь», – мысленно оправдывался лейтенант.

А человек попался беспокойный. Он словно угорелый носился по городу. Осипов едва успевал фиксировать адреса. В то же время радовался удаче. Ему, как никому, удастся добыть много сведений.

Незнакомец вошел в дом на улице, протянувшейся вдоль железной дороги. Пробыл около полутора часов. Осипов почти был уверен, что Ловкий, такую он дал тому кличку, живет здесь. Но тот появился во дворе. Одет по-прежнему. А по тому, что провожал его мужчина в майке, Осипов понял, что Ловкий просто задержался в гостях.

Когда подопечный пришел на железнодорожную платформу, где остановился пригородный поезд, Осипов заметил мужчину, одетого в темную рубашу. На секунду лейтенанту показалось, что он провожал Ловкого до калитки. Но держались они обособленно, и Осипов отбросил эту мысль.

Ловкий сел в поезд. Осипов – за ним. Вышли через несколько станций.

Ловкий свернул к дачам. Осипов – следом. Километра через два углубились в лес. Лейтенант осторожно, стараясь не шуметь, шел параллельным курсом. Лес кончился. Прямо на опушке – несколько дачных домиков. В один из них и вошел неизвестный. Осипов пристроился на траве у подножия небольшой сосны и стал наблюдать.

Вечерело. Темнота в лесу наступает быстрее, и вскоре Осипов с трудом видел двор дачи. Когда в домике зажегся свет, лейтенант залег между грядками, недалеко от входа. Все его внимание было приковано к входной двери, и он не заметил, как между сосен промелькнули две фигуры.

В окнах домика погас свет, и на крыльце появился человек. Лейтенант узнал Ловкого. Вышел он за калитку, углубился в лес. Осипов бесшумно двинулся за ним. Ловкий закурил, и Осипову стало легче. По папиросному огоньку, словно маяку, хорошо ориентироваться.

Где они находились и в каком направлении двигались, Михаил не знал. Но для него это не имело значения. Главное – не упустить, продолжать наблюдение. Плохо только, что в такой темноте ничего записать в блокнот не удастся.

Следуя за Ловким по темному и от этого казавшемуся пустынным лесу, Осипов понял, что допустил сегодня две большие ошибки: первая – прекратил связь и не вызвал помощь, вторая – не взял оружия. Невольно вспомнил Ветрова и начальника управления. «Ох, и влетит мне». Но отогнал эту тревожную мысль: «Ничего. Как выложу похождения Ловкого, адресочки, которые он посетил, поймут, что Михаил Осипов хоть что-то стоит и тоже не лыком шит».

Ловкий бросил сигарету. Ночь, как назло, выдалась темная. К вечеру небо затянулось тучами, и сейчас на нем – ни звездочки. Ловкий, одетый в темное, почти сливался с деревьями. Осипов ориентировался лишь по шуму его шагов. Не видел и не слышал лейтенант, что за ним в десяти метрах следуют два человека. Он был поглощен только Ловким.

Впереди замелькали редкие огоньки. Значит, скоро лесу конец. И действительно, минут через пять Осипов вслед за Ловким оказался на опушке. Прямо через поле Ловкий направился к неосвещенному дому. Лейтенант, казалось, не дышал, готовый в любую минуту залечь, двигаться следом. Ловкий открыл калитку, прошел вдоль стены длинного дома и скрылся за углом.

Осипов – за ним. Ловкий повернул к другому строению и тут же пропал. «Сарай, – догадался Михаил, – там, наверное, тайник».

Быстро преодолел расстояние, обогнул угол – никого. Прошел вдоль стены. Впереди чернело второе строение. Где же Ловкий?

И тут Осипов услышал за спиной шаги. Оглянулся. Приближались двое. С другой стороны – еще двое.

«Засада?! Почему же они так медленно идут... Не знают, что я без оружия». Михаил вытащил из кармана радиостанцию, блокнот с дневными записями, нагнулся, положил все в траву, поближе к стене. Лихорадочно пошарил вокруг. Хотя бы камень попался! Но руки ощущали только сочную густую траву.

Поднявшись, сделал несколько шагов в сторону, подальше от радиостанции и блокнота. А четыре человека, по два с разных сторон, – ближе и ближе. Один из них громко спросил:

– Кто здесь ночью по чужим дворам шляется?

Вспыхнула надежда: вдруг и вправду хозяин вышел. Но... зря. Ловкий в этот тупик не заведет.

– Не шляется, а заплутал, – стараясь быть спокойным, ответил, – ищу дорогу на шоссе.

Почти одновременно с двух сторон вспыхнули фонари. Ослепленный, лейтенант не увидел, как сзади приблизился один. Глухой удар по голове, и тут же острая боль в спине.

Осипов со стоном упал на траву.

Поиск продолжается

Два часа ночи. Ветров с группой оперативников обшарил, казалось бы, все дворы домов, расположенных по Коллективной и близлежащим улицам. Безрезультатно. По тревоге был поднят гарнизон, перекрыты выездные пути. С помощью собак прочесывались парки, скверы, пустыри, проверялись канализационные колодцы... По указанию генерала несколько машин с радиостанциями расположились в десяти – пятнадцати километрах от города, прослушивали эфир. Это на случай, если маломощная карманная радиостанция Осипова не достает до города. Шел интенсивный поиск пропавшего работника милиции.

Генерал Романов, переговорив с прокурором города, дал указание не отпускать пока Черепнина и сам дважды беседовал с ним. Но тот стоял на своем. Его ответы и наглая ухмылка говорили сами за себя. Не имея ничего конкретного, правды от Черепнина не добьешься.

А город спокойно спал.

Я ранен, помогите!

Михаил очнулся. Долго смотрел в небо, на котором появились редкие звезды.

«Где я?»

Постепенно вспомнил, что с ним случилось. Попытался подняться, но острая боль в спине пронзила все тело и он с громким стоном опустился на траву. Дотронулся до головы – она в теплой и липкой массе.

«В голову и спину... сволочи...»

Пересиливая адскую боль и головокружение, встал. Сделал несколько шагов, уперся рукой в стену. Придерживаясь за теплые шероховатые бревна сарая, потихоньку продвигался к углу. Добрался до калитки и пошел вдоль забора, в сторону мерцавших вдали огоньков. Он падал, полз, вставал и снова шел туда, где светила на столбе электрическая лампочка.

Вот и первый дом. Идти Михаил уже не мог. С невероятным трудом вполз по ступеням на крыльцо, стукнул несколько раз в дверь. Через минуту послышался мужской голос:

– Кто там?

– Я работник милиции... откройте. Я ранен...

За дверью послышался и женский голос:

– Сема, не открывай. Может, это черт знает кто.

Мужской голос приказал:

– Встаньте у окна. Я посмотрю на вас.

О, сколько усилий понадобилось Осипову, чтобы спуститься с крыльца, доползти до ближайшего окна, оставляя за собой кровавый след, и встать на ноги. Из комнаты через стекло резанул яркий луч фонаря.

– Смотри, лицо в крови!

– Сема, он пьяный, ты не открывай!

– Откройте... я не пьяный... я работник милиции... на меня напали.

Женский голос упрасивал Сему:

– Не открывай, не слушай его! Какой он милиционер? На нем даже формы нет.

Осипов, теряя сознание, медленно опустился на землю. А из комнаты доносился все тот же женский голос:

– Вот видишь, ушел.

– А может, выйти посмотреть? – неуверенно спросил мужчина.

– Не смей. Не наше это дело. Утром, кому надо, разберутся. И сам дойдет до станции.

Осипов больше ничего не слышал. Он потерял сознание... Очнулся, открыл глаза... Светало. Склонившаяся над ним девушка держала его голову на весу и мокрым носовым платком смачивала рану.

– Что с вами? Вы здесь живете?

Осипов, напрягая все силы, чуть слышно шептал:

– Позвоните в милицию... Я лейтенант Осипов... Напали у сарая. Около стены радиостанция и блокнот... Ночью... Пусть всегда носят оружие...

Он хотел еще что-то сказать, но потерял сознание. Девушка осторожно опустила его голову на траву, забарабанила в окно. Через минуту там показались заспанные мужское и женское лица. Девушка громко сказала:

– Откройте, у вас под окном человек умирает!

Вышел высокий, мощного сложения мужчина, одетый в майку, брюки и тапочки на босу ногу. Он недовольно спросил:

– Что здесь случилось?

– Я к поезду шла. Смотрю, а он у вас лежит. Весь в крови. Поняла, что несчастье с человеком. Перевяжите, а я побегу «скорую» вызову!

Девушка бегом бросилась к калитке...

На месте происшествия

Наступило утро. Матвеев устало откинулся на сиденье и тихо сказал Ветрову:

– Начнем проческу леса. К 6:00 придут курсанты школы милиции. Встретите их на Коллективной и двигайтесь к лесному массиву. Я буду ждать у контейнерной площадки.

Неожиданно заработала радиостанция. Дежурный по управлению вызывал Матвеева и Ветрова. Матвеев взял микрофон.

– Заря! Я сто второй, слышу вас хорошо, прием!

– Сто второй, сто второй! Вам необходимо срочно выбыть в Каменку. Там у радицентра ожидает гражданка Степичева. Возьмите проводника с собакой. Сто первый и «скорая» уже выехали. Дайте отбой. Пусть все направляются в управление. Прием!

– Понял. Выежаем! – и, повернувшись к шоферу, сказал: – Давай прямо. В конце улицы должны быть проводники. – По радио отдал распоряжение и повернулся к Ветрову: – Наверняка нашелся. То, что пошла «скорая», говорит о многом. Главное, чтобы живой!..

Машина остановилась у небольшого деревянного домика. Во дворе толпились люди, среди них – Романов. У дома под окном на траве лежал Осипов. Его голова, лицо, одежда были в крови. Врач, хлопотавший над ним, поднялся и молча посмотрел на генерала. Этот взгляд был красноречивей всяких слов. Романов не поверил:

– Не может быть! Ведь совсем недавно он разговаривал с девушкой?!

– Он мертв, товарищ генерал. Слишком поздно мы с вами приехали. Умер от потери крови.

Ветров подошел к хозяину, начал с ним беседовать. Чем больше тот говорил, тем бледнее становилось лицо майора.

– Чего же вы боялись?!

– А если бандиты? – вопросом на вопрос ответил хозяин. – Места здесь глухие, сами видите, дом на отшибе стоит.

Ветров еле сдерживал себя:

– Бандиты, говорите? Думаете, что для бандитов ваша дверь или стекла окон – преграда? Да когда вы здесь видели бандитов? Окровавленный человек в окно показал себя. Посмотрите, сколько крови потерял, пока уговаривал вас оказать ему помощь! Бессовестный вы обыватель, живущий по принципу «моя хата с краю». Подумали ли вы, что когда-нибудь сами или ваш сын, если он есть, можете оказаться в подобном положении?!

– Игорь Николаевич!

Ветров оглянулся. Генерал и полковник стояли у калитки с какой-то девушкой. Ветров подошел к ним. Романов кивнул на девушку:

– Это Аня Степичева. Она и заметила Осипова, когда проходила мимо двора. Так что он вам сказал, Аня?

– Он говорил о радиостанции и блокноте, которые лежат у стены сарая, где на него напали ночью.

– Разрешите действовать?

– Да, начинайте!

Майор подозвал проводника и приказал пустить собаку. Огромный черно-серый пес с минуту покрутился во дворе и потянул за калитку. Ветров и шофер бросились за проводником. О том, что собака идет по следу, можно было судить по частым каплям крови, застывшим на траве. Изредка попадались небольшие бурые лужицы. В этих местах лежал Михаил. Собака привела во двор большого деревянного одноэтажного дома. Здесь размещалась школа, в которой летом шел ремонт. Пес остановился у большой лужи крови, беспокойно залаял.

– Здесь все и произошло, – сказал Ветров и повернулся к проводнику: – Попытайся установить, есть ли здесь еще какой-нибудь след.

Проводник нагнулся к собаке и вполголоса подал команду:

– Дик, ищи!

Пес потянул к выходу. У калитки остановился, повернул к лесу. Все бросились следом. Но метров через двести след был потерян.

– Роса большая, – виновато пояснил проводник.

Пес снова взял след, но потерял на том же месте.

К школе одна за другой подъехали три машины. Ветров увидел среди приехавших Савича, Майского и Лукашика. Они уже видели Осипова. У Майского глаза были красными от слез.

Начался тщательный осмотр места происшествия. Вскоре были обнаружены карманная радиостанция и блокнот.

Ищите убийцу

Совещание проходило под впечатлением случившегося. Генерал был мрачным. Внимательно выслушал доклады. Затем начал говорить сам. Речь Романова скорее напоминала беседу человека, который хотел посоветоваться с присутствующими.

– Нападение на Осипова совершено во дворе школы, у сарая. Это не случайно. Давайте проанализируем обстановку с точки зрения преступников: место безлюдное, глухое. То, что Осипов двигался со стороны леса, говорит, что он шел за преступником. А тот вошел во двор, где ждали его напарники. А что их было несколько, свидетельствует осмотр места происшествия. Теперь давайте вспомним, что Осипов успел сказать девушке. Он чувствовал, что сказать все у него не хватит сил, а поэтому передал, на его взгляд, главное. А что может быть главным в его положении? Это фамилия хотя бы одного из преступников. Он этого не сказал, значит, не знал. Рассчитывал, что только блокнот с его записями может помочь найти убийцу. Осипов понял, что попал в ловушку, и успел незаметно для преступников спрятать радиостанцию и блокнот. Это же подтверждает отсутствие удостоверения, которое преступники, видимо, забрали у него после нападения. Давайте разберемся, что нам дал блокнот. В нем зафиксированы действия Черепнина в первой половине дня, его встреча с неизвестным нам человеком, которого Осипов назвал Ловким. Много адресов. Но меня смутили записи о том, что он подходил к Ловкому с целью подслушать разговор с неизвестным. Здесь преступник мог его и засечь. Схема, которую Осипов набросал в блокноте, дает нам возможность сделать вывод, что маршрут его от железнодорожной станции шел через лес до какого-то пункта, скорее всего, к чьей-то даче. Назад шел, по-видимому, ночью. Этим и объясняется отсутствие записей.

Генерал помолчал, затем отыскал глазами Ветрова:

– Необходимо сконцентрировать внимание на установлении убийц. Пролитая нашим товарищем кровь требует возмездия, а розыск убийц существенно приблизит раскрытие нападения на тир и магазин. Какие есть вопросы?

– А то, что Осипов сказал об оружии, тоже надо всем помнить, – тихо сказал Матвеев.

Романов кивнул головой.

– Об этом нужно поговорить со всем оперативным составом.

Есть нить...

Вторую половину дня Ветров потратил на проверку адресов, которые, по записям Осипова, посетил Ловкий. Ветров беседовал с людьми, некоторых из них направлял к Савичу на допрос. Во время разговоров несколько раз называлась фамилия Карпов. Майор связался с Майским и дал ему указание срочно установить этого человека.

Оставался последний адрес, который вчера посетил Ловкий, – на улице Передовой. Прежде чем войти в небольшой дом, Ветров несколько минут издали наблюдал за ним. В блокаде Осипова значилось, что этот дом Ловкий посетил последним, находился здесь почти полтора часа и что провожал его какой-то мужчина в майке.

«Здесь нужно быть крайне внимательным, – думал майор. – Возможно, Ловкий, заметив за собой Осипова, обсуждал план нападения. Не зря прямо отсюда он двинулся к остановке пригородного поезда».

Ветров вошел в калитку, не торопясь подошел к крыльцу. Дернул за ручку двери – закрыто. Краешком глаза заметил, как в окошке, расположенном справа, чуть отодвинулась занавеска.

Майор постучал в дверь. Он чувствовал на себе чей-то взгляд, но виду не подавал. Наконец в коридоре послышались шаги, и через несколько секунд дверь открылась.

На пороге стоял мужчина в майке. Ветров поздоровался. Мужчина, не отвечая на приветствие, хмуро спросил:

- Вам кто нужен?
- Хозяин дома.
- Входите. Я и буду хозяин.

Они прошли в первую комнату. Ветров сел на предложенный стул и только после этого предъявил служебное удостоверение:

- Я из милиции. Покажите, пожалуйста, домовую книгу.

От внимательного глаза майора не ускользнуло секундное замешательство и растерянность, промелькнувшие в глазах хозяина.

– Пожалуйста, – засуетился хозяин. – Я подумал, что пришел человек на квартиру проситься, а вы, оказывается, из милиции.

Лицо его и голос выражали приветливость и уважение, но взгляд оставался напряженным, злым. Ветров перелистывал книгу и в то же время исподволь следил за хозяином. Тот, казалось, не мог найти себе места. Сначала сел на диван, заложив ногу за ногу, затем пересел на стул, снова поднялся, подошел к столу. Настороженность пытался скрыть потоком слов:

- У нас книга в порядке, квартирантов не держим.
- Покажите паспорт, – попросил Ветров.

Хозяин встал, подошел к серванту и, достав оттуда паспорт, протянул майору:

- Вот, пожалуйста.

Игорь Николаевич развернул его и вслух прочитал:

- Хвостов Григорий Павлович. Кому принадлежит дом? Кто такой Ходулин?

– Это мой тесть. В прошлом году умер. Мы с женой еще не успели переоформить дом на себя.

- А где ваша жена работает?
- На заводе стройдеталей.
- А вы где?
- Я... Пока не работаю.
- Как долго не работаете?
- Да вот уже третий месяц.

– А почему?

– Да, знаете, как-то не подберу ничего по душе. Жена зарабатывает неплохо. Пока жить можно. Но я скоро устроюсь...

Чем внимательнее присматривался майор к этому человеку, тем отчетливее понимал, что с ним нужно разбираться не здесь. Ветров, возвращая паспорт, сказал:

– Оденьтесь, пожалуйста, и проедем в милицию.

– В милицию? За что? Что я такое сделал?

– Нам необходимо с вами поговорить.

Хвостов начал собираться. Ветров, наблюдая за ним, думал:

«По документам видно, что ранее судим. Не работает, значит, вчера днем был свободен. Ишь ты, как время тянет, пытается овладеть собой».

Когда они вышли из калитки, Ветров кивнул головой в сторону четырехэтажного здания, где находилось общежитие стройтреста.

– Нам туда.

Из кабинета коменданта Ветров позвонил в управление, и минут через двадцать пришла машина. По пути Ветров обдумывал план действий в отношении Хвостова:

«Здорово же он встревожен. И конечно, не из-за работы. Наверняка знает, что первое предупреждение можно сделать ему только по истечении четырех месяцев. Нет, дело в другом. Чувствует – не случайно везут в милицию. Если причастен к убийству, думает, откуда известен его адрес. Значит, может предполагать, что кто-то из соучастников уже задержан и дал показания...»

В управлении, оставив Хвостова в дежурной части, Ветров поднялся к Савичу. Но тот был занят: заканчивал допрос Стефановича, во дворе которого обнаружили Осипова. Ветров пошел в свой кабинет. Пригласил инспектора уголовного розыска Ковалю, передал ему листок бумаги с данными Хвостова, Черепнина, Логацкого, Герцовича:

– Узнайте в информационном центре о судимости этих лиц. В каких местах отбывали срок наказания?

Вызвал Майского:

– Проверил Карпова?

– Да, вчера он на работе не был, так как уже четвертый день находится на бюллетене. С ним я не рискнул говорить. Побывал у соседей. Вместе с женой и шестилетним сыном живет на квартире у одинокого старика. Соседи о нем почти ничего не знают. Вчера видели только утром, когда вышел из квартиры. Одет так, как и описал его Осипов. Я не решился делать до вашего приезда запрос в информационный центр.

– Я поручил это Ковалю, а ты сделай вот что: когда мы с Савичем будем разговаривать с человеком, который сейчас находится в дежурной части, с заполненным бланком протокола допроса зайдешь в кабинет и скажешь...

Ветрову не пришлось долго объяснять Савичу свой план. Тот понял его, одобрил! Они ждали Ковалю. А вот и он. Ветров и Савич склонились над принесенными сведениями. Оказалось, что Черепнин, Хвостов и Карпов вместе проходили по одному делу.

Савич задумался.

– Значит, Черепнин хорошо знает Карпова.

– Как видишь. Теперь мы Черепнину можем прямо в лоб ставить вопрос о Карпове. А ты помнишь, как он позавчера ночью заявил, что случайно встретил прохожего? Интересно, что он сейчас запоет? Да ладно, это потом. Сейчас главное – с Хвостовым хорошо сработать.

– Возьмем ли мы его на пушку?

– Ты знаешь, Володя, я стараюсь избегать этого. Но ведь бывают моменты, когда такой простой прием дает положительные результаты. В данном случае вопрос не в пушке, а в психологическом состоянии Хвостова. Посуди сам: его тревожит, и, заметь, очень тревожит, то,

что его доставили в милицию. И если он причастен к убийству, то, несомненно, арест связывает только с этим. А раз это так, то у Хвостова засела в голове мысль, что кого-то взяли. И нам с тобой нужно натолкнуть его на мысль, что настало время спасти себя от вышки, а это значит – говорить только правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.